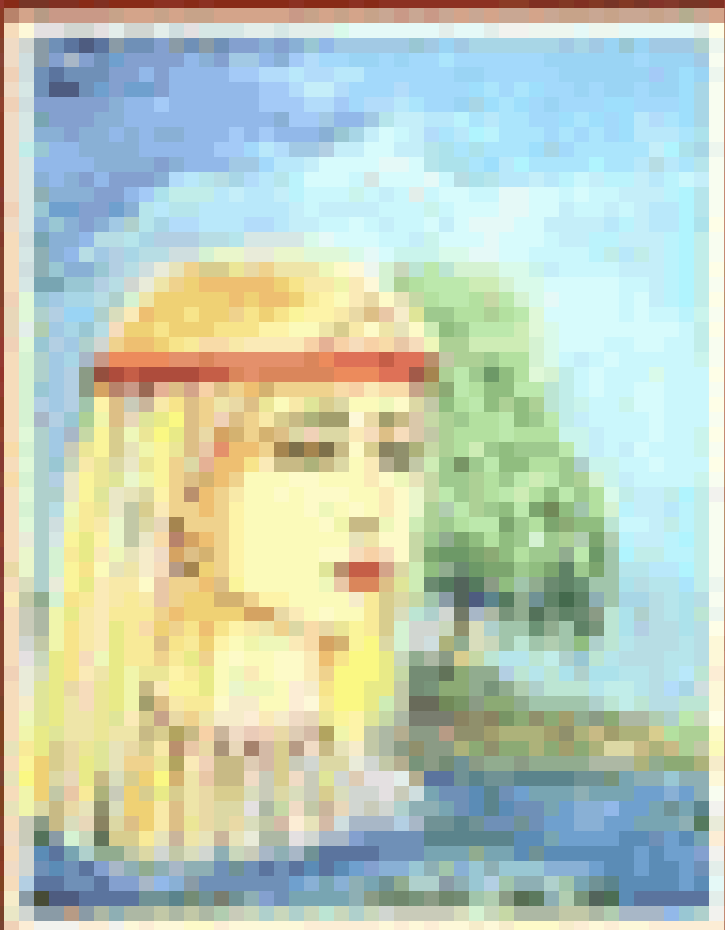

Содержание: **Содержание**
Содержание

БЮЛЛЕН ОУА

Содержание: **Содержание**

Содержание: **Содержание**

Содержание: **Содержание**

Содержание: **Содержание**

Божий суд - монах Варнава (Санин)

Санин Варнава, монах

Древняя Русь. Вторая половина 12-го века.

Принесший немало горя родной земле князь-изгой Илья подвергнут испытанию Божьего суда и заточен в темницу на три дня в ожидании приговора. За это время он успевает осмыслить всю свою недолгую жизнь и принять единственно верное решение.

Историческая повесть для детей и взрослых

- [Глава первая](#)
- [Глава вторая](#)
- [Глава третья](#)
- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Глава восьмая](#)
- [Глава девятая](#)

Глава первая

1

Бояре понимающе переглянулись, и лица их просветлели...

В просторной гриднице терема небольшого града на самой границе смоленского княжества, от единого слова князя Мстислава Ростиславича, по прозвищу Храбрый, решалась судьба всей смоленской земли.

Горница была светлой и тепло протопленной. Красивая мозаика украшала стену. В углу пред божницей с образами теплилась лампада. У входа стояли два вооруженных гридника - телохранители князя.

Сам князь восседал на главном месте - высоком, резном стуле. Рядом с ним - княгиня. Чуть позади них сидел его сын, по имени тоже Мстислав, и также, несмотря на юный возраст уже мало чем уступавший в доблести и удалстве своему отцу. Окружали князя старшие дружинники во главе с воеводой.

Вдоль стен, на лавках, расположились влиятельные, или как тогда называли их - смысленные люди Смоленска. Они с нескрываемой надеждой не сводили ждущих глаз с самого уважаемого на Руси князя.

Вторую неделю разъезжал он по их земле. Охотился. Хвалил поля и леса, города и веси, изделия здешних ремесленников и трудолюбие крестьян. И все не давал ответ на их главный вопрос: так согласен он или нет быть их князем?..

А как его дать? И не дать как?.. Дело было в том, что старший брат Мстислава, смоленский князь Роман Ростиславич, отбыв добывать себе Киев, оставил вместо себя своего сына Ярополка. Смоляне, накопившие немало обид - а как без них за годы долгого правления? - тут же, подняв бунт, выместили их на молодом князе. Они изгнали его и объявили своим государем любимого всей Русью за славные победы, мужество и редкое среди князей благородство,

соединенное с бескорыстным служением отечеству, - Мстислава Храброго.

Однако сам Мстислав не торопился садиться на смоленский стол, дабы не обидеть родного брата. Но и отказываться не стал. Ведь в таком случае смоляне могли пригласить другого князя, и тогда Ростиславичам пришлось бы боем отвоевывать свой издавна отчий край...

Тут нужно было действовать наверняка. Князь с верным гонцом отправил тайное послание в Киев брату Роману, с вопросом, как лучше быть? И вот, наконец, подоспела ответная грамота. Воспитанные сызмальства отцом жить в любви и согласии, братья-князья и на этот раз были единого мнения. Надо соглашаться, единственно для того, чтобы усмирить смолян и возвратить стол готовому вскоре вернуться Роману Ростиславичу.

Прочитав грамоту, Мстислав, верный принципу действовать быстро и разом, благодаря чему одержал столь много побед, велел младшему дружиннику сказать смоленским боярам, что готов прямо здесь, сейчас сообщить им о своем решении. И не прошло получаса, как они в полном составе собрались в этой горнице.

А в самом тереме, прослышав об этом, уже толпились, ожидая исхода разговора князя со смолянами, со своими предложениями к нему: новгородцы, суздальцы, псковитяне, и даже иноземные послы...

- Хороший терем... - обведя быстрым взглядом потолок, стены со слюдяными окошками, и задержавшись глазами только на мозаике, изображавшей желанные для каждой русской души райские кущи, по обычаю, начал издали Мстислав.

- Полвека уже ему, а стоит, как каменный! - одобренные таким началом, согласно закивали бояре.

- Еще бы!

- Ведь по приказу и под присмотром самого прадеда твоего, Владимира Всеволодовича Мономаха построен!

- Это он, по примеру своего батюшки... Всеволод Ярославич любил, чтобы везде ему было, как дома. Бывало, куда едет, всегда за собой целый обоз везет: с книгами, утварью, коврами... А Мономах - так тот сразу терема похожие ставил. С одинаковыми гридницами, покоями, вон - мозаикой! Их много таких по всей Руси...

- И на нашей смоленской, теперь, надемся, и на твоей земле!

- Которой, между прочим, и твой великий прадед правил!

Князь Мстислав, опираясь на рукоять посоха, чуть наклонился вперед и, чтобы дальше не томить и без того заждавшихся людей, наконец, сказал:

- Я... согласен быть вашим князем!

- Слава Тебе, Господи! - закрестились, зашептали, принялись радостно подталкивать друг друга бояре. - Услышала нас Пресвятая Богородица! Помогли святые Борис и Глеб, и все святые угодники Божии!..

- Но! - повысил голос Мстислав. - Не обессудьте, соглашаюсь властвовать над вами - только до возвращения своего брата Романа Ростиславича.

- Вот те раз!

- Но, княже... - ахнули от досады бояре.

- В дела я ваши особо вникать не буду. Суд править тоже не стану! - сразу предупредил князь, и раздалось еще более горестное:

- Но почему?!

- Или мы так не любим тебе?

- Отчего же? Любы! Я ведь давеча говорил, как мне нравится все у вас! И сейчас готов повторить... Однако у меня много важных дел и в других местах Руси! - ответил князь. - К тому же Смоленская земля - это вотчина моего старшего брата, и кому, как не вам, лучше других знать об этом? Ну а я, - улыбнулся он в густые светлые усы, - замолвлю за вас словечко перед ним, когда он вернется из Киева.

Мстислав оглядел примолкших бояр и уже с нескрываемой угрозой добавил:

- Не вечно же ему засиживаться там!

Бояре понимающе переглянулись, и лица их просветлели. Конечно, хотелось им навсегда получить себе в правители такого князя, как Мстислав Храбрый. Но, уже совсем поостыв от бунта, они понимали, что в случае возвращения Романа, а оно неизбежно, как зима после тепла, - в последнее время никто из князей надолго не мог удержаться в Киеве - многим из них придется отвечать за него не только домами, казной, но и головой... А так - глядишь, и правда, и волки окажутся сыты, и овцы целы...

Тем более, Мстислав лишь по чину младший брат среди могущественных Ростиславичей, а на самом деле... Все помнят, как поступил он, когда стоявший тогда во главе Руси Андрей Суздальский послал к ним своего мечника с грозными словами: «Вы - мятежники! Область Киевская есть мое достояние. Велю вам немедленно удалиться из нее вон!» Тихий Роман не спорил и возвратился в Смоленск, но средние братья воспротивились. А Мстислав, навывкший от юности не бояться никого, кроме единого Бога, тот и вовсе велел остричь голову и бороду послу князя Андрея и отправить назад со своими словами:

«Теперь иди к своему князю и повтори ему мои слова: доселе мы уважали тебя как отца. Но когда ты не устыдился говорить с нами, как с твоими подручниками и людьми простыми, забыв наш княжеский сан, то не страшимся угроз. Исполни оные: идем на суд Божий!»

Такие слова означали начало войны. И оскорбленный бесчестием своего посла князь Андрей немедленно стал готовиться к ней. Он тут же призвал под свой стяг воинов: суздальских, белозерских, новгородских, муромских, рязанских... Даже князь Роман, как ни любил своих братьев, вынужден был послать своих дружинников в это войско... Собрав рать в 50 тысяч воинов, которую по пути должны были еще больше усилить своими дружинами подвластные ему полоцкие, туровские и пинские князья, Андрей поручил предводительство над ними Святославу Черниговскому, из рода мятежного Олега, с приказом изгнать средних Ростиславичей с Руси, а дерзкого Мстислава привести во Владимир.

Несметная рать с двадцатью князьями, в которую влилось еще множество киевлян, берендеев и торков, осадила Вышгород, где с братом Давидом и его полком заключился храбрый Мстислав.

К счастью, в стане осаждавших не доставало усердия и согласия: одни князья не любили самовластия Андрея, другие - коварства Святослава, а третьи тайно доброжелательствовали Ростиславичам... И ничтожная крепость, обороняемая едва ли не горсткой людей, не только выстояла, но и победила. Как тут же записали об этом в своих летописях ученые монахи, Само Небо покровительствовало Герою в ратоборстве с более сильным противником. После этого звезда суздальского князя стала явно клониться к своему кровавому закату, и незлопамятные Ростиславичи снова вступили с ним в мир, обещая успокоить южную Русь, но с условием, чтобы тот уступил Киев Роману Смоленскому. Однако ответа дожидаться не успели: суздальский князь кончил жизнь под кинжалами своих ближайших людей...

Было, было, что вспомнить смоленским боярам и с чем соглашаться.

Они покорно склонили перед Мстиславом свои головы и принялись благодарить его за эту нынешнюю и будущую милость, чуть слышно обговаривая между собой одну общую на всех мысль.

Просто удивительно было, как могло уместиться в одном человеке, казалось бы, противоречивое: быстрая решительность с рассуждением, мужество с благородством, суровость со справедливостью. В покойном же теперь суздальском князе, в том умудрялись уживаться самые несовместимые качества добра и зла. И, тем не менее, была у обоих князей, - одна похожая черта: которую также не могли обойти вниманием летописцы: какая-то особенно горячая и искренняя вера в Бога. Не случайно народ, соборный разум которого обмануть невозможно, еще при жизни за любовь к храмам, строительство монастырей, удивительное нищелюбие и обращение в христианство едва ли не всего дикого до того суздальского края, начал называть Андрея - Боголюбивым, или Боголюбским...

Вот уж поистине - дивны дела Твои, Господи, и неисповедимы пути Твои!..

Мстислав Храбрый вопросительно посмотрел на бояр: всё ли они поняли и верно ли услышали

его речь. Те, все как один – благодарно на князя....

Беседу можно было заканчивать и приглашать в гридницу гостей. Сообщить им о принятом новым смоленским князем решении и начинать пир...

Но тут произошло то, что сначала привело смоленских бояр в недоумение, затем в изумление, а некоторых, в конце концов, в такой гнев, отчего дружинникам Мстислава пришлось недвусмысленно положить крепкие ладони на медные рукояти своих мечей...

2

- Какой еще Илья? - не сразу понял Мстислав.

Началось все с того, что к князю подошел дежуривший во дворе младший дружинник и взволнованно сообщил, что к воротам терема подъехал с небольшим отрядом и несколькими повозками князь Борис Давыдович.

- Борис Давыдович? - недоверчиво вскинул бровь Мстислав. - Этой-то лисе в волчьей шкуре, что здесь надобно?

- Теперь многие ищут дружбы с тобой. Вот, наверное, и он решил воспользоваться случаем... - усмехнулся стоявший рядом с Мстиславом воевода.

- Да уж этот своего случая не упустит нигде! - недовольно загомонили бояре. - Как переметная сума готов перекинуться к более сильному и отхлестать слабого! Вели ему, княже, ехать дальше!

- Да разве так можно? - удивился князь. - Что мы, нехристи, что ль, какие? Гость на пороге - думка о Боге! Коль уж, приехал, милости просим! Зови! - приказал он дружиннику.

- Но он не один... - слегка замялся тот. - С ним невеста... Горислава Владимировна.

Глаза Мстислава сразу потеплели. Он понимающе переглянулся с княгиней и с улыбкой сказал:

- Ну, для нее-то в нашем тереме всегда найдется лучшее место! С ее батюшкой я в давних дружеских отношениях.

- Странно только, что он решил выдать ее за Бориса Давыдовича... - с недоумением покачала головой княгиня.

- Меня это тоже немало удивляет, - кивнул ей Мстислав и, повернувшись, увидел, что младший дружинник продолжает оставаться на месте.

- Что еще? - вопросительно посмотрел на него он, и тот, покосившись на смолян, неохотно ответил:

- С ним еще князь Илья...

- Какой еще Илья? - не сразу понял Мстислав.

- Который изгой - Олегович!

- Что?! - вскричали смоленские бояре.

Некоторые даже вскочили со своих мест:

- Кто-кто?!

- Илья Олегович?!

- Да как он смел появляться на смоленской земле, после того, что с ней сделал?!

- Вот уж действительно, как говорится, пришла беда, отворяй ворота...

- Да какая там беда! - успокаивая бояр, махнул рукой младший дружинник. - Он ведь не на коне да при оружии. Не с отрядом нанятых половцев или в дружине враждебного вам князя. Лежит себе в повозке у князя Бориса. В оковах.

- В оковах? - не обращая внимания на ропот бояр, неодобрительно покачал головой Мстислав: - Ну, не я на него их надевал, не мне и снимать! А самого тоже пригласи. Как-никак, все-таки Рюрикович, следовательно, брат мой!

И сделав знак воеводе приблизиться, шепнул:

- Усиль охрану во дворе и по всему терему. Да сам, лично проследи! Чего доброго, прирежут

еще по дороге сюда. Не смоленские, так суздальские, не те и другие, так псковские, даже иностранцы могут вмешаться: уж слишком много обид успел причинить всем, несмотря на свои юные лета, этот князь Илья!

3

- Стой! Не сюда! - остановил Мстислав князя Илью властным тоном...

Первым в тереме появился князь Борис Давыдович.

Это был не очень высокого роста, но такой широкоплечий и могучий мужчина, что, казалось, природа выточила его из одной глыбы северной гранитной скалы.

Выставив вперед острую черную бороду, он направился к Мстиславу, широко разведя для самого горячего объятия короткие руки, но Мстислав лишь сдержанно обнял его и ограничился коротким сухим рукопожатием.

- Садись, князь! - кивнул он на лавку и вопросительно посмотрел на гостя: - Как дорога?

- Благодарствуй, князь! Как на крыльях лечу! - с довольством ответил Борис Давыдович и, выщипывая из бороды длинные серые льдинки, посетовал: - Только уж больно мороз лют сегодня!

- Да, последние годы почему-то с каждой зимой становится все холоднее! - вежливо согласился Мстислав. - Монахи устали даже сообщать об этом в своих летописях!

- Вот-вот, и я о том же: как бы вообще нашей матушке земле однажды совсем не замерзнуть... - с опаской закивал гость.

- Не того надо страшиться, князь, - остановил его Мстислав. - А наоборот - небывалого потепления!

- Как это? - с недоумением уставился на него князь Борис.

- Очень просто, - ответил Мстислав и пояснил: - Первый мир за грехи людские был затоплен водою. А второй, как предупреждали еще древние святые старцы, за еще большие грехи будет уничтожен огнем. Вот его близкого дыхания и надо бояться! А мороз - что? Мороз и перетерпеть можно! Вот от геенского огня-то уже точно никуда не деться и не спастись...

За приоткрытой дверью гридницы слышался все нарастающий шум нетерпеливых голосов.

Мстислав подозвал воеводу и, разрешая впускать толпившийся в тереме люд, задал новый вопрос:

- Значит, как птица, говоришь, летишь? И куда же так радостно путь держишь?

Борис Давыдович недовольно покосился на то, как в гриднице стали появляться новые гости, некоторые из которых открыто выражали к нему свою неприязнь, и злобно кивнул куда-то вниз, за окно:

- Да вот, везу своего обидчика во Владимир, на суд князя Михаила!

Гридницу заполняли все новые и новые люди.

Мстислав жестом велел им держаться потише и снова обратился к гостю:

- И что же он тебе такого сделал? Стол отнял? Город спалил?

- Хуже князь, много хуже! - нахмурился Борис Давыдович. И сделав многозначительную паузу, буркнул: - Он у меня честь едва не отнял!

- Да ну? - деланно изумился Мстислав. - Как это?

- Очень просто! - не замечая иронии, охотно ответил князь: - Невесту из-под венца увез!

- Совсем?!

Борис Давыдович сверкнул черными глазами:

- Да разве от меня уйдешь? Догнал. Хотел сразу прикончить. Но все-таки Рюрикович... Нельзя без вехи старшего князя... Зачем лишние неприятности? Мне и своих хватает... Вот и везу его теперь во Владимир.

- Ишь, как стелет... Хитер князь! - зашептались бояре.

- Верно наш князь его лисой в волчьей шкуре прозвал!

- И то правда: прикончил бы этого Илью прямо на месте и не поморщился!
- А так, ишь - везет!
- Видать, нашел повод, который может сдружить его с Владимирским князем. Он ведь терпеть не может этого Бориса! А Илью ненавидит еще больше!
- Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло!
- Таким, как этот Борис, только несчастья других и помогают!

Мстислав еще выше поднял руку, призывая к тишине, и продолжил расспрос:

- Во Владимир, стало быть едешь... А что же не в Киев?
- Что Киев! - безнадежно махнул рукой Борис Давыдович. - Киев, конечно, слава и честь. Но после того, что сотворил с ним Андрей Суздальский - теперь Владимир глава русских земель.
- Так-то оно так... Но опять князь хитрит! - снова принялись переговариваться бояре.
- Странно, что он везет Илью во Владимир. Ведь князь Михаил - добр.
- Да, добр. Но болен и слаб. И все сделает так, как посоветуют ему ближние люди. А уж этот Борис научит их, что сказать. Золота, лести и обещаний у него для них хватит!
- Вот и хорошо! А то нам пришлось бы перехватывать этого нечестивца, да отбивать, чтобы прикончить прямо на полдороге!..
- Да тише вы, или не на шутку захотели князя своими разговорами прогневать? - подошел к боярам воевода.

Но те уже и сами замолчали, видя, как в GRIDницу, звеня ручными и ножными оковами, вошел князь Илья.

Трудно было поверить, что этот восемнадцатилетний красавец, со светлой бородой, голубыми глазами, тонкой ладной фигурой успел натворить столько зла, что его ненавидело так много людей.

Увидев князя Мстислава, он обрадованно шагнул к нему, но остановился, словно натолкнувшись на непреодолимую преграду и, вздохнув, направился к лавке, на которой стали быстро тесниться от него подальше сидевшие на ней люди.

- Стой! Не сюда! - остановил его Мстислав властным тоном. - Подайте ему скамью!

Князь Илья вздрогнул и, опустив голову, сел на поданную ему слугою скамью.

Смоляне и их гости дружно одобрили такое решение князя.

- Верно рассудил наш князь!
- По делам и честь!

Князь Мстислав оглядел с ног до головы не отводившего от него дерзкого взгляда молодого князя-изгоя, и строго спросил:

- Как же ты дошел до такой жизни? Мало тебе того, что ты постоянно нарушал крестную клятву, после того, как мы, князья, поверив, прощали тебя, предавал друзей, выдавал врагов, наводил на русские земли половцев, так еще и невест стал красть?

Князь Илья вскинул голову, словно получил оскорбление, и с пылким жаром ответил:

- В чем виноват, отпираться не буду. Что сделано, того не вернешь. Но только на сей раз увозил я - свое!

- Как это - свое? - не понял Мстислав.

- А вот так! - зазвенев цепями, развел руками князь Илья. - Горислава была обручена мне еще с юности, когда... - он со вздохом зависти покосился на молодого сына Мстислава и продолжил, - я еще не был изгоем. Недавно я навестил ее. Тайно, конечно, от отца. Она согласилась бежать со мною, куда угодно, и где бы, и кем бы я ни был - стать моей верной женой. Мы подготовили побег. Но тут, когда я попросил у дружного мне тогда Бориса Давыдовича военный отряд для сопровождения до границ княжества ее отца, тот уговорил уступить ему Гориславу. За это он обещал мне не десяток-другой воинов, а всю свою дружину, чтобы я смог захватить себе хороший город. Это была моя единственная, и возможно последняя возможность сделаться князем. И я не устоял...

- Как! - изумился Мстислав. - Ты добровольно отдал ему свою любимую?

- Да, - опустив голову, чуть слышно прошептал князь Илья и тут же снова громко продолжил: -

Но когда князь Борис, получив Гориславу, только посмеялся и выгнал меня, заявив, вместо обещанной помощи, что больше не нуждается в моих услугах, я решил восстановить справедливость.

- Молчи, вор! Это не ты, а я решил восстановить справедливость! - прервал его Борис Давыдович и объяснил недоуменно взглянувшему на него Мстиславу: - Узнав, что Горислава решительно готова сбежать с этим изгоем, - не глядя, кивнул он в сторону князя Ильи, - я решил таким образом вернуть ее отцу, ну, и повенчаться с ней, если будет на то его благословение!

- А главное, получить поддержку такого сильного князя, как Владимир! - снова не выдержали бояре.

- Хитер!

- Хотел одним ударом сразу двух зайцев убить!

Князь Мстислав посмотрел на недовольно засопевшего от подобных речей Бориса Давыдовича, на князя Илью и сокрушенно покачал головой:

- Да... Думал, я есть хоть какой-то предел честолюбию князей, но, оказывается, нет такого предела!

Княгиня, словно успокаивая его, положила нежные пальцы на руку мужа.

Тот чуть приметно улыбнулся ей и сказал:

- Ну что я тебе могу сказать на все это... князь Илья. Бог тебе судья. А тебе, князь Борис, скажу вот что. Если хочешь, продолжай свой путь во Владимир прямо сейчас, а хочешь, задержись, попируй вместе с нами. Повод для этого немалый. Я ведь сегодня смоленским князем стал! Сам отдохнешь, да и Горислава Владимировна если не сердцем, то хотя бы телом отогреться сможет. Кстати, что ее так долго нет?

- Занедужила немного в дороге, сейчас приведут! - ответил Борис Давыдович и, видя, что дружбы с князем Мстиславом у него так и не получилось, криво усмехнулся:

- Да только, видать, зря торопятся! Мы прямо сейчас и поедем!

- Ну, что ж, не смею задерживать!

Князь Мстислав приподнялся с трона, давая понять, что разговор на этом окончен, как вдруг со скамьи, где сидел князь Илья, раздался громкий голос, скорее похожий на крик отчаяния:

- Нет!

Глава вторая

1

- Мне - все равно! - невозмутимо пожал плечами князь Илья.

- Что значит - нет?

Князь Мстислав Храбрый, не привыкший, чтобы ему возражали даже более сильные князья, не говоря уже о могущественных врагах, с удивлением посмотрел на князя-изгоя.

Тот поднялся с лавки и, не отводя уже не дерзких, а просительных глаз от князя, заявил:

- А то и значит, что я требую, князь Смоленский Мстислав, твоего суда!

- Как это - моего?

- А вот так! - объяснил князь Илья и, словно призывая в свидетели своим словам, показал рукой на смоленских бояр:

- Много бед и страданий принес я смоленскому княжеству!

- То так! То верно! - подтвердили те.

- И нахожусь я сейчас в твоих владеньях, в твоей воле. Кому, как не тебе по закону судить меня?

Князь Мстислав озадаченно посмотрел на него и покачал головой:

- Да... Нелегкую задачку ты мне задал! Я ведь слово боярам дал, что не буду править у них суд.

- Какой же тогда ты князь? - усмехнулся изгой.

Мстислав наполовину осуждающе, наполовину с одобрением посмотрел на него:

- Смелые речи ведешь...

- Да я и сам не трус.

- И то мне ведомо! А ну, как велю казнить тебя?

- Постойте, погодите! Как это - казнить? - вмешался не понимавший ничего Борис Давыдович.

- Ведь это же мой пленник!

- Это ты погоди! - остановил его Мстислав. - Твой пленник совершил преступления в моих владениях. И покуда он здесь, мне, а не тебе решать, как поступить с ним.

- Но ведь нанес он оскорбление и мне? - резонно напомнил Борис Давыдович.

- И это верно... - не нашел, чем возразить ему Мстислав. - Что же нам с ним тогда делать?

- Можно все решить очень просто! - услышался вдруг голос с иностранным акцентом.

- Как это? - принялись уточнять гости и услышали в ответ короткое:

- Божьим судом!

Из группы иноземных гостей вышел купец и, кланяясь Мстиславу, пояснил:

- У нас на родине, для решения таких споров назначается поединок...

- Я готов! - не дослушивая, тут же сделал шаг вперед Борис Давыдович.

- Однако я еще сказал не всё! - поклонился и ему иностранец. - Твой ответчик, как мы все видим, измучен и, очевидно, сильно избит. Поэтому он может выставить вместо себя более сильного человека. Если, конечно, найдется такой, чтобы вступить в поединок с таким богатырем, как ты!

- Найдется! - услышался из толпы уверенный в своих силах голос.

Князь Илья вздрогнул - таким знакомым показался он ему, взгляделся в толпу, но так и не смог различить, кто из множества враждебных ему лиц захотел вдруг помочь ему.

- Ну, князь Илья? - обратился к нему Мстислав. - А что ты сам скажешь на это?

Тот поднял на него глаза и, подумав, ответил:

- Я... согласен. Но только, чтобы Божий суд был не по правилам чужеземцев, а так, как вершили его наши предки. По-нашему, русскому обычаю: огнем или водой.

- Что значить огнем или водой? - с интересом спросил иностранец, и князь Илья совершенно спокойно, словно речь шла о не таких страшных вещах, ответил:

- Согласно «Ярославовой Правде», обвиняемый должен взять в голую руку раскаленное железо или вынуть ею из кипятка кольцо. После этого судьи обвязывают его руку и запечатывают её. Если через три дня на коже не будет язв или следа ожога, значит, обвиняемый невиновен.

- Толково объяснил, - одобрил князь Мстислав и испытующе посмотрел на изгоя. - Единственное, что я могу для тебя сделать - это предоставить право выбора. Итак, какой из этих двух видов выбираешь ты сам?

- Мне - все равно! - невозмутимо пожал плечами тот.

- Тогда - огнем! - решил Мстислав и приказал: - Приготовьте костер во дворе. Принесите кринуцу железа. И мы сейчас же, немедленно проведем Божий суд. Решение принято.

Как только он произнес эти слова, в гриднице появилась Горислава. Бледная. Слабая. Едва живая.

Увидев Мстислава Храброго, она, преодолевая хворь, бросилась к нему в ноги со словами:

- Князь Мстислав! Прости Илью. Это я во всем виновата! Я уговорила его бежать вместе со мной...

- Ох, княжна... - поднимая девушку, с сожалением покачал головой Мстислав. - Припоздала ты маленько. Пущенную стрелу невозможно вернуть на тетиву Я уже принял решение, которого изменить не в силах.

- И что же... ты отправляешь нас во Владимир?

- Нет, князь Илья согласился на Божий суд.

- Божий суд? Что это значит?

- Я предлагал поединок между истцом и ответчиком... - попытался объяснить красивой

княжне иностранец, но та, не дослушав его, с ужасом взглянула на князя Мстислава:

- Как поединок - с князем Борисом?! Да вы только посмотрите на него. И на Илью! Они же ведь били его смертным боем! А этот боров... Он наверняка убьет его!

- Не убьет! - пряча улыбку, успокаивающе сказал ей Мстислав. - Князь Илья выбрал испытание раскаленным железом. Так что, княжна, на все теперь - воля Божья!

- О, Господи... - прошептала Горислава и умоляюще посмотрела на князя: - А если Божий суд вдруг покажет, что он... виновен?

- Тогда мне останется только одно из двух, - вздохнул тот, - или казнить его на месте по закону или, в виде исключения отправить повинным во всем во Владимир. Что, по сути дела, одно и то же...

Услышав это, Горислава побледнела и упала в обморок.

- Княгиньюшка, помоги ей! - попросил Мстислав и вместе со своим воеводой и старшими дружинниками направился к двери. За ним - смоляне и гости.

- Да... - на ходу обсуждали они происшедшее. - Этому Борису Давыдовичу и невеста нужна-то, чтобы только завести дружбу с князем Владимиром!

- А если поддержит его великий князь, и вовсе не нужна будет! Ведь Михаил-то с ее отцом не в особых ладах...

- Бедная Горислава...

- Да, жаль, жаль ее...

- А красавица-то какая...

- И какие на ней смарагды, сапфиры, жемчуга! Видно, любит и балует свою дочь князь Владимир...

- Умеючи балует: вон как она воспитана, целомудренна и проста!

- Зато этот Илья не прост. Получил целых три дня отсрочки. А за три дня - ох, сколько можно придумать!

- Да! С его-то умом и отвагой... Сколько невероятных побегов он, говорят, уже совершил!

- Ничего, на этот раз не сбежит! - уверенно заявил один из самых смысленных людей Смоленска. - Мало того, что на страже будут стоять дружинники князя Мстислава, и люди Бориса Давыдовича будут теперь беречь его, как зеницу ока, так еще мы и сами будем сторожить его!

2

Божий суд начался...

Князь Мстислав вышел на порог терема и полной грудью вдохнул острого морозного воздуха.

Посередине двора уже горел большой высокий костер.

На деревянной крепостной стене стояли дозорные. Опытный взгляд князя сразу же отметил порядок. В руках - копья, щиты. На боку - меч. За спиной - луки. Тулы не перекинуты через плечо горловинами наверх, а наклонены вперед, чтобы - в любой момент удобно было выхватить стрелу. Да и сами тулы полны стрел с оперениями разных цветов.

Во дворе толпилось множество народа: купцы, ремесленники, крестьяне... Едва князь сделал шаг по ступенькам резного крыльца вниз, как они разом подались вперед и принялись кричать, просить, молить, протягивая к нему руки.

Дружинники тут же подбежали к толпе и принялись осаживать ее назад.

- Чего это они? - вопросительно взглянул на смоленских бояр Мстислав.

- Да как всегда - пришли со своими жалобами, просьбами... - принялись объяснять те. - С утра стоят, прослышав, что ты приехал в Смоленск. Ну, а как узнали, что ты дал согласие стать нашим князем...

- Я же сказал, что никаких судов править не буду... - напомнил Мстислав и недовольно поморщился: - Да и смотреть суд над Рюриковичем, будь он даже Божий, негоже простому

люду...

- Прости, княже, не уследили! Сейчас исправим! – пообещали бояре и вместе со своими воинами, при помощи плеток и направленных в грудь мечей быстро выпроводили народ за ворота терема, откуда продолжали раздаваться умоляющие князя Мстислава о заступничестве и помощи голоса.

Следом за новым смоленским князем вышел его сын. Рядом с ним шел игумен, в одной руке которого была склянка со святой водой, а в другой мешочек с небольшими клещами-матрицами и свинцовыми заготовками для княжеских печатей. Мстислав Мстиславович лишь недавно получил от отца дозволение иметь собственную печать и рад был любому случаю воспользоваться этим правом.

Потом из терема повалили гости.

Они шумно обсуждали то, что видели в тереме.

Громче всех сетовали на свою нерасторопность новгородцы.

- Эх, припоздали! – сокрушались они.

- Надо было раньше приехать...

- Да, опередили нас смоляне!

- Ну да ничего, говорят, Мстислав долго у них не задержится. Успеем еще сделать его своим князем!

Наконец, два гридника вывели из терема князя Илью. Он шел спокойно, будто предстоящая пытка касалась кого угодно, только не его и, словно даже не замечал костра, возле которого суетились подбрасывающие все новые дрова холопы, и держал огромными клещами в самом огне большой кусок железа кузнец...

Последней из терема вышла Горислава. Ее поддерживали под руки две девушки.

Князь Илья, словно не слыша шепота угроз и проклятий, несущихся со всех сторон, прошел к костру и, встав перед ним, поднял голову и стал смотреть высоко, в самое небо.

Князь Мстислав оглядел его и озадаченно сказал воеводе:

- Несподручно ему будет в оковах железо из огня доставать!

Воевода согласно кивнул и крикнул:

- Расковать!

Кузнец, оставив прямо в костре клещи, взял молот и умело сбил с запястий изгой оковы. Затем посмотрел на ножные оковы и, почесав в затылке, вопросительно взглянул на Мстислава.

- Эти оставь! – коротко приказал тот.

Тем временем, к смоленскому тиуну, выполнявшему одновременно роль судьи и палача, незаметно подошел князь Борис. Он что-то прошептал ему на ухо и, увидев согласный кивок, незаметно сунул тому небольшой, но тяжелый кожаный кошель. Это не осталось без внимания стоявших ближе к костру людей. Но общая ненависть к князю Илье была такова, что они постарались не заметить, что тут явно замышляется какая-то несправедливость.

Игумен подошел к костру, покропил его святой водой, немного которой, ссылаясь на то, что хочет омыть ею руки в знак невиновности того, что делает, попросил вылить и на его ладони тиун.

И Божий суд начался.

Князь Илья взял из клещей раскаленный докрасна кусок железа, закусив губы, поднял его на ладони, показывая всем, и вернул кузнецу.

Иностранные гости следили за происходящим с жадным любопытством, стараясь не упустить ни одной мелочи.

У русских людей: новгородцев, псковичей и даже смолян - ненависть к князю внезапно сменилась жалостью. Уж такова отличительная черта русского характера, что любое чужое страдание вызывает боль и в своей душе.

Дождавшись своей очереди, тиун подскочил к князю Илье, и, словно жалостливо глядя, провел своими пальцами по его ладони и затем, тщательно забинтовал ее.

- Видали? Видали? – заволновались в толпе.

- А что там такое? Что?..
- Да он же смочил ему место ожога мокрыми пальцами!
- Ну, теперь Илье точно не избежать язв!
- Постыдился бы так говорить! Сам бы хоть раз попробовал, что это такое...
- А я такого зла, как он, не делал!
- Откуда мы знаем, угодно или нет сами ходим пред Богом? То, что для человекав славно и высоко - часто мерзость пред очами Господа! - оглянувшись, строго сказал говорившему игумен. - Всех нас в конце концов ждет Его Страшный суд. И дай Бог, чтобы он был мягче, чем этот!

Он достал из мешочка клещи-матрицу, маленький свинцовый кружок и направился к князю Илье.

- Дай я! - остановил его Мстислав Мстиславович, и сам скрепил обвивавший перевязку шнурок печатью: на одной стороне - скачущий со стягом на длинном древке святой Феодор Стратилат, чье православное имя носил отец, на другой - его собственный небесный покровитель - стоящий в полном вооружении святой Феодор Тирон.

На мгновение взгляды двух молодых князей встретились. В глазах князя Ильи уже читалась жгучая боль. И Мстислав Мстиславович незаметно подбадривающе пожал ему запястье. Князь Ильи, как ни горько было ему в это мгновение, в ответ тоже чуть приметно улыбнулся благородному князю.

3

Боярин, радостно всплеснув руками, бросился выполнять приказ князя.

Божий суд был закончен.

Теперь всем надо было набраться терпения и целых три дня ждать его результата. И следом за ним - оправдания, в которое верила разве что одна Горислава, или сурового приговора, в который верили все, в том числе и сам князь Ильи.

В ожидании начала пира, чужеземцы стали интересоваться, что будет подано на стол в честь такого значительного события, как восшествие на смоленский стол нового князя.

Кузнец с клещами в руках, от которых отшатывались все встречавшиеся на пути, понес раскаленный еще кусок железа в кузницу, вслух размышляя, что из него теперь выковать...

Князь Мстислав, беседуя с воеводой, уже давал тому указания по еще лучшему укреплению малых смоленских градов.

Борис Давыдович подошел к нему и, указывая на пятерых, мало уступавших ему в крепости, дружинников предложил:

- Дозволь, князь, я выставлю своих лучших воинов охранять его!

Но князь Мстислав был иного мнения на сей счет.

- Со своим уставом в чужой монастырь не ходят! - строго напомнил он уже порядком надоевшему ему гостю и, кивая на князя Илью, приказал воеводе: - В поруб его. Выставить надежную охрану у дверей, и чтобы рядом с ним денно и ночью находился один стражник.

Дежурить по очереди в самой темнице-порубе добровольно вызвались два младших дружинника.

Князь Мстислав лично поговорил с каждым из них, и только после этого, словно вспомнив о князе Борисе, повернулся к нему и с насмешкой сказал:

- А своих людей, коли не доверяешь мне, а не доверяешь оттого, что, видать, и самому-то себе ты не доверяешь, можешь ставить за воротами терема!

Он коротко кивнул на деревянную стену, и услышав крики взывавших к нему людей, задержался на ней взглядом...

- Вот уж поистине, никогда не говори, как хорошо на вершине горы, пока не взошел на нее! - покачал он головой и сказал старшему из смоленских бояр. - Ладно... Одному да будет Божий

суд, а всем остальным – княжий. Вели открывать ворота!

- Что-что? – не понял тот.

- То, что слышал – суд вершить буду! Но по справедливости, так что потом пусть зла на меня не держат!

Боярин, радостно всплеснув руками, бросился сам выполнять приказ князя.

- Смотри, уже и суд согласился вершить! – радостно зашептались смоляне.

- Глядишь – так и надолго у нас задержится!

- Как же – надолго! – усмехались над ними новгородцы.

- Все равно будет нашим!

- Не было еще такого князя, который бы отказался от столь высокой чести, как княжить Великим Новгородом!

Князь Мстислав велел вынести во двор из гридницы княжеский стул-трон, ковер и, кивая на снова заполнявший двор народ, сказал сыну:

- Из-за нас ведь, князей, все их страдания. Сваримся, миримся, снова воюем, опять заключаем мир, все-таки братья, Рюриковичи, а все слезы – им. В полон идут – они... Дома горят – у них... Мог бы, изменил бы весь порядок на Руси! Да как его изменишь? Князь Андрей, когда в силах был – тот мог. У него была власть, да он все силы положил на то, чтобы укрепить суздальский край и северную Русь... Эх, дал бы только Господь мне терпения, сил и время...

Старший Мстислав опустил тяжелую ладонь на плечо младшему и, как совсем недавно, князь Илья, поднял голову и стал смотреть на высокое, но уже начавшее быстро темнеть зимнее небо...

Глава третья

1

«Три дня... три дня...» - только и думал лихорадочно князь Илья.

Три дня. Много это или мало?..

В порубе было сыро и мрачно. На то он и поруб, а не княжеская светлица! В расположенное под самым высоким потолком крошечное оконце едва пробивались острые солнечные лучи. Да и те, розовея, угасали почти на глазах...

Князь Илья сидел на волчьей шкуре, брошенной прямо на глиняный пол, и думал свою нелегкую думу.

Первым делом надо было успокоиться, собраться с силами и что-то придумать. Не первый раз он попадал в подобное положение. Бывали случаи и похуже, когда на все про все было всего час, а то и того меньше... А тут – целых три дня и две ночи!

Поруб был крепкий и ладный. Еще бы: сам Мономах, который всегда лично следил за всем, что делалось по его приказу, возводил этот терем и, конечно же, позаботился, о надежности помещения не только для друзей, но и врагов. Можно было даже не простучивать стены, чтобы убедиться, что в них нет слабых мест. Оконце тоже такое, что в него даже самая тощая собака не пролезет. Да и будь оно шире, все равно, как ни тянись, не дотянуться до него...

За бревенчатой стеной переговаривалась наружная стража. Громче всех был слышен голос воеводы. У двери на лавке расположился охранник – высокий, с нескладными руками детина. Такой обнимет – и даже не почувствуешь, как душа выйдет из тела... Увидев вошедшего воеводу, он вскочил и преданно посмотрел на него. Воевода осмотрел поруб, приказал охраннику зажечь толстую свечу на небольшом выступе у стены и велел заходить кузнецу.

Тот, привычно пригнувшись, чтобы не удариться головой о дверной выступ, подошел к пленнику и тяжелым молотом стал приковывать его ножную цепь к массивному, позеленевшему от времени, бронзовому кольцу, торчавшему из стены.

Как только эта работа была закончена, воевода сам – раз, другой дернул цепь и, убедившись в

ее прочности, грозно предупредил охранника:

- Глаз с него не спускать! Смотри, отвечаешь головой!

- Со мной не забалуешь! – уверенно заявил тот и почему-то незаметно для начальника подмигнул пленнику.

Воевода удалился, вошел холоп, принявшийся растапливать печь. «Раб, а туда же!» - нахмурился князь Илья, заметив, как тот, то и дело оглядываясь на него, мстительно-радостно щерил два-три оставшихся, словно на память о прежней свободной жизни, зуба...

Затем пришла пожилая женщина и, молча, не глядя, словно цепному псу, сунула перед ним миску с едой. Князь заглянул в нее и, увидев простую похлебку – отодвинул миску. Разве такое ели сейчас на пиру гости нового смоленского князя в праздничном тереме?

Да и не до еды было ему теперь. Бравшую раскаленный металл руку начало так разрывать от боли, что к горлу подкатывала тошнота.

Тем более, надо было что-то придумывать...

«Три дня... три дня...» - только и думал лихорадочно князь Илья.

Даже странно как-то было: целых три дня без погонь за кем-то или от кого-то, без постоянной суеты, когда нет ни минуты, чтобы подумать о себе, потому что всегда надо было не думать – а делать!

Одно было ясно: самому, с больной рукой и прикованному к стене, отсюда не выбраться.

Но... почему подмигнул охранник - по известной привычке физически очень сильных людей быть снисходительными к более слабым? Зная, что тем все равно не справиться с ними! Или...

Князь Илья покосился на дружинника, но тот сделал вид или действительно не заметил его вопросительного взгляда.

Тогда князь стал думать о том, что в тереме не только его враги. Чей-то ведь голос он слышал в свою защиту. Более того, он даже предложил выйти вместо него на поединок с этим, и впрямь похожим на матерого кабана, князем Борисом! Только чей?..

Так и не вспомнив, князь Илья переключился на мысли о том, что его друзья-соратники должны уже знать, где он. Не зря отослал он своего слугу в самом начале бегства от князя Бориса. Тот наверняка передал его людям все, что случилось с ним. А он нужен им, ох, как нужен! Изгнанные своими бывшими князьями за провинности дружинники, ночные тати, да просто лихие люди, как в воздухе нуждались в нем. Хоть и изгой, а все-таки – князь! Улыбнись такому удача и сложись обстоятельства, такой и до Киевского стола дойти может. А то, и до более сильного теперь – Владимирского...

Конечно, ни осадой града, ни какой-либо другой силой, князя Мстислава им не одолеть. Но ловкости, коварства и хитрости этим людям не занимать!

2

- Да что на мне - креста, что ли, нет? - с обидой возразил князь Илья.

Дверь открылась, и огонь свечи рванулся приветливо ввысь и вперед.

Князь Илья поднял голову, но, увидев стоявшего на пороге игумена, еще ниже опустил ее.

В руках игумена были крест и Евангелие.

- Исповедоваться будешь? – подходя, спросил он.

Князь Илья подумал и отрицательно покачал головой:

- Нет. Живу не хуже других князей. Так что не в чем мне каяться!

- Святым, что ли стал? – вскинул мохнатую бровь игумен. – Может, мне тогда позвать богомаза и велеть ему с тебя иконы писать? У нас на Руси как раз своих святых для почитания еще маловато!

Князь Илья усмехнулся: уж больно неудачное время и место выбрал игумен для шуток, взглянул на него и вдруг с любопытством сощурился:

- Что-то мне твой облик, отче, больно знаком... Мы что, где-то уже встречались с тобой?

- Да, и не единожды! - подтвердил тот. - Один раз, когда ты учинил самый настоящий разбой в моем монастыре. За то, что тебе не дали вдосталь еды. Все забрал. Оставил братию помирать с голоду.

- Не знаю... не помню... - подумав, покачал головой пленник. - А второй раз?

Игумен еще строже посмотрел на него:

- А второй и паки, и паки - третий и четвертый - когда я давал тебе для целования крест в знак того, что ты сдержишь слово, данное своим братьям. Но ты, как всегда, еще не успели обсохнуть уста твои, коими ты целовал крест в знак искреннего дружества, тут же брался за свое... То есть нарушал клятву и перед Богом, и перед людьми!

Эти случаи князь Илья помнил. Не все, конечно, но так - в общих чертах... Он искоса поглядел на игумена и подумал: а не ошеломить ли его, подзвав поближе, якобы согласившись на исповедь хотя бы кулаком здоровой руки? А что потом? Тут как тут подбежит охранник. Здоровый, конечно, детина. Но можно превратить из недруга в друга цепь и придушить его ею. Нет, не пойдет... Цепь-то ведь снова сразу станет врагом, да еще злей прежнего. Вроде, и свобода на пороге, а не уйти. Не кузнеца же звать тогда в самом деле... Да и внешней охраны не считано... И потом грех-то какой - поднять руку на монаха-священника... Тут уж ничем на Страшном Божьем суде, который ждет его, после сегодняшнего не оправдаешься...

- Не о том думаешь! - прервал размышления голос игумена, и князь Илья даже вздрогнул, словно тот и впрямь прочитал его мысли.

Но игумен имел в виду совсем иное.

- Над тобой Божий суд сейчас совершается, а ты все о своем, человеческом... - укоризненно проговорил он. - В народе говорят, пока гром не грянет, мужик не перекрестится...

- Я князь... - с вызовом напомнил пленник.

- Хорошо, князь не перекрестится! - охотно поправился игумен и высоко поднял крест. - Но ведь тут уж не то, что гром, топор палача - молнией - над твоей шеей сверкает! А ты так и хочешь уйти нераскаянным? После того, как лгал, предавал, убивал... Жег православные храмы... Наводил на Русь полчища поганных половцев... А сколько русских людей загубил: и не только телесно, но и духовно, отправив их в полон к иноверным?

Князь Илья промолчал, не зная, что и ответить-то на это, потому как все, что слышал, действительно было, и игумен внимательно посмотрел на него.

- Да что ж ты, не русский, что ли? - с болью в голосе спросил он, и сам же ответил: - Русский! Знавал я твоего деда. И батюшку твоего знал. Вместе с твоей матушкой - Царствие им Небесное! Православные были люди, богобоязненные! Жаль только, достанется им теперь там за такого вот сына...

Игумен широко перекрестился, поминая родителей князя, и вздохнул:

- В том-то и корень твоей вины, а точнее, беды, что ты не ищешь, как делают это русские люди, по Заповеди Христовой, прежде всего - Царствия Божия, а уж потом, всего остального. А норовишь все делать наоборот!

- А почему же тогда Господь так рано отнял у меня родителей, что мне выпала доля изгоя? Тогда б мне и не пришлось творить всего этого, как ты говоришь, зла! - выпалил свою самую главную обиду князь и в ответ услышал невозмутимо-кроткое:

- Значит, так надобно было!

- Надобно? - изумился князь. - Кому?!

- В первую очередь, тебе самому! Ибо таков, значит, был о тебе Божий промысел, такова воля Господа, заботящегося в первую очередь о твоём вечном спасении!

Игумен кивнул на стены и тихо сказал:

- Ты посмотри, сколько бед и несправедливости творится вокруг! Каких только лишений и страданий не перенес русский народ! А все живет! Рожает детей! Паки и паки отстраивается после войн, пожаров и моров. Спроси меня - почему, и я отвечу: потому и терпит русская душа все находящиеся на нее скорби, что живет не этим скоротечным и суетным веком, а думой о вечном, чая воскресения мертвых и жизни будущего века! А ты живешь, прости, словно

нехристь какой-то!

- Да что на мне - креста, что ли, нет? - с обидой возразил князь, рывком распахивая ворот рубахи.

- Крест-то, как я гляжу, есть! - кивнул игумен. - Да только, что от него тебе толку, если ты даже не помнишь о нем! И даже наоборот, ежедневно и ежечасно распинаешь находящегося на твоей груди Господа. Запомни мои слова, князь, которые я скажу тебе напоследок. Хоть, может, это уже и поздно... Если бы ты предал свою слабую человеческую волю во всемогущую десницу Господню, тогда и жизнь бы твоя шла совсем по-иному, и не сидел бы ты сейчас здесь, с гордым видом, даже на краю адской пропасти!

Не говоря больше ни слова, игумен вышел, унося с собой крест. Евангелие же он оставил возле свечи, бережно положив его на заботливо подстеленный под него белый плат.

3

Медленно потянулось время.

Князь Илья остался в несвойственном для него состоянии задумчивости и нежелания думать, как выйти из очередного опасного положения. Усилием воли он попытался заставить себя снова решать, как ему быть...

И вдруг услышал голос охранника.

- Сейчас меня сменит напарник, - глухо, не глядя на него, проговорил он. - Так вот... ты постарайся не уснуть. Я слышал, как князь Борис много серебряных гривен ему предлагал, чтобы он задушил тебя. Но он даже от них отказался. Сказал, что у него к тебе свои счета имеются... Он тебя и даром порешит!

В поруб вошел не очень высокий и не так, чтобы широкий плечах, воин. Но судя по всему, очень проворный и ловкий. Он сел на лавку, которую, освободив, снова незаметно подмигнул князю первый охранник, и с недоброй усмешкой, молча, стал смотреть на пленника.

Медленно потянулось время.

Руку разрывало от боли. Очень хотелось спать. Но князь Илья заставлял себя час за часом сидеть с открытыми глазами, глядя на огонек свечи и чувствуя на себе неотрывный взгляд второго охранника. И все думал, думал: так мало это или много - три дня? Всего целых три дня...и три ночи...

Глава четвертая

1

После праздника начались будни...

Князь Илья сидел, чуть раскачиваясь, словно баюкая прижатую к груди больную руку.

Новая мысль не давала ему покоя.

Как же могло так случиться? Ведь начиналось все так хорошо...

Когда ему исполнилось ровно три года, как и положено, над ним был совершен обряд сажания на коня.

Все это было известно ему со слов матери и теперь трудно было отделить, то, что он слышал от нее, от того, что действительно помнил сам.

Вначале его, в княжеском красном плаще, сапожках, с маленьким мечом на боку вывели на крыльцо терема. Показали бесчисленным гостям, среди которых были многие князья, в том числе и князь Владимир. Его жена, княгиня, держала на руках совсем недавно родившуюся дочь - Гориславу.... А затем крепкие руки отца, взметнув над землей, посадили его на самого смиренного, низкорослого конька, показавшегося ему тогда конем-великаном, на котором ездили

сказочные богатыри...

После этого праздника начались будни, хорошо известные каждому княжичу. Приставленные к нему дружинники учили его умению владеть любым оружием, своим и врагов: мечом, саблей, копьем, стрельбе из лука. Целыми часами заставляли стоять с тяжелым камнем на вытянутой руке. Слезы мешались на его лице с потом, но он терпеливо выдерживал это испытание. Знал, что все это нужно для того, чтобы потом он мог справиться с самым тугим луком и послать стрелу на целый перестрел, а то и дальше, как это иногда показывал для примера отец. Седой воевода, сопровождая его по лесам и полям, учил без ошибок находить нужные пути и дороги. Он рассказывал о боях, в которых участвовал сам, объяснял, как правильно начинать и вести бой, где ставить засады и что делать, если противник окажется сильнее или слабее тебя...

А потом опять – бои на деревянных мечях с ровесниками, и ненавистный камень на вытянутой руке.

Лишь однажды он не выдержал и, вконец обессилив, признался отцу, что больше не может.

Тот обнял его и отирая грубой ладонью его лицо, сказал памятные слова:

- Чем горше пот, тем слаще плод! Единственное, чем я могу помочь тебе – это не жалеть тебя сейчас.

- Как это? - Не сразу понял он еще детским своим разумом и услышал в ответ жестокое:

- Пожалеть – значит, убить. Причем, возможно, в самом первом бою. Ведь тогда телохранители будут только с боков защищать тебя, а впереди будет враг. Нацеленные на тебя копья, занесенные над головой сабли, мечи. Летящие прямо в грудь стрелы...

Отец помолчал и, обводя рукой град с теремами и церквами на верху горы, небольшие избушки в низине, свою дружину, которая, дожидаясь князя, отдыхала на мягкой траве, добавил:

- Кроме того, отвечая за жизнь дружинников и за судьбу своего княжества, ты должен не только первым идти в бой, но и уметь выигрывать целые войны! А это значит, знать все тонкости их. Так что не мной придумана эта учеба, княжич, не мне ее и отменять! Так учил меня мой отец, твой дед, а его, в свою очередь – его отец... Такова уж нелегкая судьба князя! Готовься измлада к ней. Это только со стороны, в красных плащах, впереди дружины, мы кажемся самыми счастливыми людьми на земле!

- А разве это не так? – с изумлением спросил он, и не помнится, чтобы услышал тогда ответа...

2

Закончилось все разом. Ужасно. Нелепо...

Детство сменило отрочество. Будь у отца еще хоть одно княжество, как, например, у Всеволода Ярославича, он бы тоже отправил его, как тот своего тринадцатилетнего сына Мономаха княжить им. Но такого княжества у него не было. Зато был давний друг, более могущественный князь – Владимир, у которого дочь Горислава подросла настолько, что можно было обручать ее с Ильей.

Самого обручения Илья почти не запомнил. Но Горислава полюбилась ему с первого же взгляда. К их будущему счастью, как казалось тогда, взаимно.

Потом были редкие тайные свидания, память о которых целыми месяцами согревала его потом. А в перерывах – уже боевые мечи и сабли, бешеные скачки на взмыленных конях, первый настоящий бой, в котором все было так, как говорил отец. И даже после него – снова учеба... учеба...

Закончилось все это разом. Ужасно. Нелепо...

В тот теплый летний месяц внезапно занедужилось и так стало душно в тереме деду, что он повелел поставить на берегу реки для себя палатку и там медленно приходил в себя. Отец, отпустив большую часть дружины к великому князю, затеявшему новую войну, в которой принимал участие и князь Владимир, остался в своем граде. А сам Илья, воспользовавшись случаем, ради нескольких минут встречи с любимой помчался в его княжество.

Он уже скакал со свидания, молодой, крепкий, счастливый. Улыбаясь, вспоминал ее слова, улыбку, глаза... как вдруг к нему подъехал окровавленный гонец, который, сползая с седла, сообщил, что дома – беда. На палатку деда, узнав, что тот находится вне спасительных крепостных стен, внезапно напал давно зарившийся на его княжество сосед. Его дружинники подрубили палатку, отчего дед задохнулся под ней. А отец... отец с небольшим отрядом, узнав об этом, бросился из града на выручку, да только сам лежит теперь до смерти исколотый копьями, изрезанный нашим же, русским мечом...

Поначалу Илья не понял до конца всех тех изменений, которые произошли в его судьбе. Горе от потери отца и деда затмили все остальные мысли. Во время отпевания, похорон он не замечал каких-то особенно сочувственных взглядов и значения некоторых сказанных в его адрес слов.

И только потом, когда на вопрос, почему князь Владимир не привез с собой Гориславу, тот отвел в сторону глаза и каким-то чужим голосом сказал, что Горислава теперь не сможет с ним видаться, он вдруг понял, что с ним случилось самое страшное, что может произойти в юности с любимым Рюриковичем. Лишившись деда, он еще мог стать владетельным князем после отца. Но так как погиб, не успев взойти на стол, и тот, он по закону лишился всякого права на княжество. То есть, становился изгоем.

Несколько раз князь Владимир пытался уговорить великого князя выделить Илье хоть маленький град, но тот неизменно отвечал, что бессилен перед законом, данным самим Ярославом Мудрым.

И началась для Ильи долгая полоса скитаний и борьбы с сомнительной надеждой, а если честно, то безо всякой надежды на счастливый случай, который снова поможет ему сделаться законным князем...

Наконец, к нему обратился с обещанием серьезной поддержки, решивший породниться или хотя бы войти в союз с князем Владимиром, разумеется, как только настанет для этого подходящий момент, Борис Давыдович.

Тогда-то и произошло их первое и последнее, после того, как он стал изгоем, свидание с Гориславой.

Они стояли на берегу пруда, в котором было много одолень-травы. Ее белые кувшинки с зелеными сердечками могли радовать своей красотой кого угодно, но только не их.

Стоял июль, макушка лета. И плакучие ивы роняли частые слезы в воду, слушая их негромкий разговор.

- Ну так что? – в который раз спрашивал он у нее и в который раз слышал один и тот же ответ.

- Я согласна!

- Может, все-таки передумаешь?

- Нет! Я готова бежать с тобой хоть на край света! Ты и в рубище нищего будешь мне так же люб, как и в княжеском плаще...

- Княжеский плащ... Что ты можешь понимать в этом. Ради него я... я... - он оборвал себя на полуслове и снова спросил: - Итак, ты согласна?

- Да! Да!

Князь Илья осторожно обнял девушку, и та сделала попытку высвободиться из его рук:

- Боязно обниматься... Грех!

- Бежать на край света не страшно, а обниматься с любимым - грех? Ничего, мы все-таки обручены! – успокоил ее он и, сам отстранившись, вздохнул: - И потом, как знать, может, я последний раз обнял тебя. Время сейчас такое, да и судьба моя такова, что в любой момент все может оборваться единым разом...

- Ты говоришь такие страшные слова и так мрачен сегодня...

- Меня сделали таким...

- Я знаю это. И все бы отдала, чтобы снова еще хоть раз увидеть твою улыбку. Я все готова для этого сделать... - прошептала Горислава.

- Тогда, едем? – уже окончательно спросил князь Илья.

- Прямо сейчас? - с готовностью посмотрела на него любимая, но он, приостанавливая ее порыв, покачал головой:

- Нет, как только даст знак один человек, обещавший мне помочь вернуть этот княжеский плащ...

Борис Давыдович, все лето и осень выгадывавший, где и кем ему выгодней быть, вспомнил о нем, точнее о союзе с князем Владимиром, только зимой. И Горислава сразу отозвалась на зов своего любимого. Поехала с ним. Ничего не понимая, перешла в руки Бориса Давыдовича, который лишь посмеявшись над князем Ильей, вместо обещанной помощи выгнал его вон из своего терема. Казалось бы, князя Илью должна была ослепить ярость от такого коварства и обмана обидчика. Но вместо этого он, наоборот, словно прозрел и, содрогнувшись от того, что едва не потерял, попытался выкрасть Гориславу, но неудачно, и князь Борис, едва ли не со всей дружиной, бросился за ним следом.

3

- Все равно я тебя порешу!.. - наконец прошептал охранник!

Полутьма поруба стала сгущаться на глазах. Князь Илья зажмурился, чтобы от боли и стыда не видеть света даже от свечки... и - почему-то ему стала грезиться совсем иная погоня, причем, от самого князя Андрея Суздальского. И тогда была не зима, а лето.

Впереди было огромное болото, которое он в спешке принял за луг, и где сразу стали увязать он сам и убежавшие с ним дружинники.

Огонек свечи вдруг превратился в высокое солнце, которое ему уже никогда не суждено было увидеть...

Какие-то люди, ноги которых почему-то не увязали в трясине, бросились к нему на помощь. Среди них были его дед, отец, мать...

«Странно! - с удивлением подумалось князю. - Оказывается, они живы?! Для чего же тогда я так страдал, только зря считаясь изгоем?!»

Он хотел радостно крикнуть им, что здесь, что видит их, но вязкая тина плотно залепляла ему рот и даже нос. Хрипя, задыхаясь, он дернулся и, разом приходя в себя от дикой боли в руке, открыл глаза.

Над ним, зажимая ему рот и нос тряпицей, склонялся охранник.

Князь тут же понял, что происходит. Он уснул, и только обожженная рука спасла его, приведя в чувство... Пленник собрал все свои силы и ударил кулаком по голове, никак уже не ожидавшего сопротивления от полузадушенного князя, охранника. Затем хлестнул по нему цепью, как можно дальше оттолкнул от себя ногами и обессиленно прижался спиной к стене.

Несколько мгновений они сидели, тяжело дыша, с ненавистью глядя друг на друга.

- Все равно я тебя порешу!.. - наконец прошептал охранник!

- За что? - не понял князь Илья и услышал в ответ не оставлявшее ни малейших сомнений, что тот сделает все, чтобы сдержать свое слово:

- Ты отнял у меня все! После того, как ты навел на мой город поганых половцев, да и сам прошелся по нему со своими головорезами, я лишился отца и матери. Они заживо сгорели в моем родном доме. А жену и детей - навсегда увели на длинном аркане в полон... И где они теперь? Хорошо, если стали рабами в православном Царьграде... Хоть в Божий храм разрешат иногда сходить и веру родную сохранят. А ну, как попали к туркам или арабам?..

Князь Илья, слушая охранника, с каждым словом все ниже и ниже опускал голову.

В другой раз он не сумел бы так близко принять к сердцу слов о чужой боли. Но тут так свежи были воспоминания от несправедливости своей собственной судьбы, что он вдруг, неожиданно для самого себя, понял этого, едва не убившего его человека. Точно так же, как у него самого отняли в жизни все самое дорогое и главное, так же и он полностью обездолил его.

Можно, конечно, было возразить, что его вынудили встать на такую дорогу. Но стало ли бы

тому от этого легче?

И ничего не ответив, он снова принялся смотреть на огонек свечи, которая всего минуту назад уже казалась ему последним светом в его жизни...

Глава пятая

1

Одно было у него оправдание...

Утром второго охранника сменил первый. Вместе с ним пришел раб-холоп, который стал протапливать печь.

Воин приблизился к пленнику и шепнул:

- Тут подходил ко мне один... назвался твоим другом! Деньги немалые сулил, чтобы я устроил тебе побег. Да только как устроишь его? За дверью - еще два кольца охраны!

Охранник помолчал и со вздохом добавил:

- Предлагал с вами потом уйти. Да ведь я не то, что мой сменщик, эта голь перекатная. У меня жена, дети... - сказал он и подмигнул: - А крепко же ты его отделал!

- Что, уже и пожаловаться успел? - усмехнулся князь Илья.

- Да нет, и так видно! Но со мной ты можешь и отдохнуть. Кто-кто, а я в обиду тебя не дам! Только и ты потом, если даст Бог, все обойдется, не забудь меня своими щедротами. Ну, а если не обойдется, хоть кольчугу да шлем тогда на память о себе подари!

Князь Илья согласно кивнул и растянулся на полу во весь рост.

Теперь можно было и поспать, чтобы потом, собравшись с силами что-то придумать. А может и даже сделать! Но сон, как назло не шел к нему. И всякие мысли одолевали...

«У каждого своя правда... - думал он. - У игумена - своя. У Мстислава своя. У князя Бориса своя, хотя его правда больше похожа на кривду! И у охранника, чуть было не убившего меня - своя! И у меня тоже своя! Да даже у этого холопа, видно, и то она есть...»

Он покосился на все так же злорадно посматривавшего на него раба и не выдержал:

- Ну, а ты что на меня все так смотришь? Или я тоже тебе чем досадил, холоп?

- Досадил?!

Раб обжег пленника взглядом, в котором одновременно смешались ненависть, злоба и боль и свистящим голосом проговорил:

- Да до тебя никто не смел называть меня холопом! Я не о нынешнем дне, а о том, что было два года назад. Я был тогда гончаром и делал такие кувшины, что их ценили в самом Киеве! А некоторые купцы уверяли, что клеймо мое видели даже в Царьграде! Но ты однажды волком налетел на мою мастерскую, вихрем смешал всю мою жизнь, и, даже ни разу не поглядев на меня, приказал вводить в полон. Да что там меня - всю мою семью, всех соседей, весь град... И вот с тех пор я - холоп, раб. Как же мне после всего этого прикажешь смотреть на тебя?

Князь Илья не нашел, что ответить на это, и, отвернувшись к стене, сделал вид, что спит.

2

Одно было у него оправдание...

Дверь хлопнула раз... другой...

Ушедшего холопа сменила принесшая еду женщина. Она принялась убираться в порубе, снимать паутину с углов, смахивать с икон легким перышком пыль... И при этом тихо-тихо напевая:

Ах, весна, весна девичья,
Песней утренней зари

Ты придешь, и по обычаю,
Выйдут в поле косари.
Коси коса, пока роса,
Пока трава зеленая.
Терпи, краса, пока коса
Твоя не расплетенная!

Князь Илья положил кулак под щеку, чтобы лучше было слышать, но то, что было в песне дальше, чуть не заставило закрыть ладонью и второе ухо!

Ах, ты лето, лето бабье,
Ты пришло, да вот беда -
Половчанин срезал саблей
Мое счастье навсегда.

Женщина немного помолчала, словно глотая вместе со слезами свое горе, и опять запела:

Ах, ты осень, темны ночки,
Слезы звездные не трать:
Вырастут за зиму дочки,
И начнется все опять!
Коси коса, пока роса,
Пока трава зеленая.
Терпи, краса, пока коса
Твоя не расплетенная!

Князь Илья, не выдержав, резко повернулся и хрипло спросил:

- Что... и тут тоже я виноват?...

- Нет! - медленно покачала головой женщина. - Ты же ведь сам слышал - половцы...

- Но ведь и я приводил их на Русь! - пленник, забывшись, стукнул себя обожженной рукой в грудь и, застонав от боли, услышал:

- Не кори себя понапрасну. Тех привел с собой совсем другой князь. Добрый, хороший. Он пытался остановить поганых, не дать им совершить насилие в нашей веси. Но они кричали: «Мы умираем за Русь, но полон - наша добыча!» Муж мой вступился за меня, и они его - саблями, саблями...

Обхватив лицо ладонями, женщина выскочила из поруба.

- Баба! - с пренебрежением махнул ей рукой вслед охранник. - Чего с них взять? Ты бы все-таки хоть немного поспал, князь. Силы-то тебе еще могут понадобиться!

Князь Илья понимающе кивнул, но чем крепче он закрывал глаза, тем все дальше и дальше убегал от него сон. А вместо него наоборот слышались боевые крики... ржание коней... звон оружия... свист стрел... клятвенные братские обещания и проклятья обманутых им людей... Виделся дым, огонь... И вереницы, вереницы уводимых в полон людей: женщин, детей, мужчин... Ему даже вдруг на миг показалось, что он вспомнил лицо нынешнего холопа, тогда еще полнолицего, румяного ремесленника из богатой веси. Или то только пригрезилось?

Чем дальше вспоминал он все это, тем горше становилось ему. И уже не столько рука, столько душа разрывалась от боли. За себя и за то, что он сделал другим.

Одно было у него оправдание. Единственное, но неоспоримое. Все, что он делал - творили почти все другие князья. И Ярослав Мудрый, и Всеслав Брячиславович, и Святополк Изяславович, и Юрий Долгорукий, не говоря уже о Борисе Давыдовиче и ему подобных..... Даже Мстислав Храбрый, как ни был любим народом, а тоже имел темное пятно на своем, казалось бы, безупречном щите: хаживал в сводном войске Андрея Суздальского на Новгород, где стрелой был пронзен выставленный защитниками крепости лик Пресвятой Богородицы,

чей гнев навел на огромную рать неведомый страх и заставил ее в беспорядке бежать... Успокоенный этим, князь Илья начал уже засыпать, как дверь поруба вдруг распахнулась, внося клубы морозного пара. Огонь свечи беспорядочно заметался, словно ища, где укрыться. Пленник поднял голову, и увидел, что в поруб вошли два старших дружинника. Следом за ними появился кузнец. Он сбил оковы князя Ильи с бронзового кольца, и один из дружинников кратко сказал пленнику:

-Идем!

- Куда? – не понял князь Илья и услышал в ответ нетерпеливое:

- Поторапливайся! Там увидишь!..

3

- Так то же князья! - снова повторил князь Мстислав.

Князь Илья вышел из поруба и с непривычки закашлялся от крепкого морозного воздуха. Да, и правда, видать, стало удаляться солнце от тяжелых людских грехов...

Осмотревшись, он увидел, что плахи во дворе нигде не было видно. Значит, вывели его не на казнь.

Может, Борис Давыдович успел снестись с князем Михаилом, и Мстислав получил приказ немедленно отправить его во Владимир? Но даже великий князь не во власти сделать этого, пока не будет решения Божьего суда. Да и не успели бы гонцы Бориса Давыдовича за столь короткое время проскакать туда и обратно. А если бы даже и крылья были у их коней, все равно, насколько было известно князю Илье, князь Михаил, в отличие от Мстислава, не любил принимать быстрых решений...

Дружинники провели пленника по двору, приказали подняться по крыльцу в терем и только у дверей гридницы остановились, пропуская его вперед.

Он вошел и увидел стоявшего перед печной мозаикой с райскими кущами князя Мстислава Храброго.

- Сколько смотрю на нее, столько не могу понять... - словно продолжая только что прерванный разговор с князем Ильей, сказал тот, – точнее, наоборот, начинаю понимать слова псалмопевца Давида: «Вскую шаташася языцы, и люди поучишася тщетным?» [1]

Князь Мстислав посмотрел на недоуменно взглянувшего на него князя Илью и продолжил:

- Все суетимся, воюем, стараемся укрепиться на земле так, будто будем жить на ней вечно. И это - когда нам Богом уготовано такое, что, как говорится, ни ухо не слышало, ни глаз не видел!

- Но ведь и земные блага для чего-то дал людям Господь? – осторожно возразил князь Илья.

- Дал, - согласно кивнул Мстислав. - Но только, чтобы они навечно не отгородили человека неприступной стеной от этого!

Он кивнул на мозаику и, направляясь к окну, знаком пригласил князя Илью следовать за собой.

- Я приказал позвать тебе к себе, потому что у меня есть разговор, – задумчиво произнес он. - Твой отец однажды оказал мне неоценимую услугу. Можно сказать, спас мою жизнь. Я не успел отплатить ему тем же. Был слишком далеко от вашего княжества, когда на него напали... Так вот я хочу отдать свой долг, если не отцу, так его сыну!

Князь Илья с надеждой вопросительно взглянул на Мстислава, но тот сразу предупредил:

- Разумеется, в пределах закона и моей власти! Решения Божьего суда я отменить, сам понимаешь, я не могу. Но не отдать тебя Борису Давыдовичу и самому договориться о твоей дальнейшей судьбе с Владимирским князем – это еще в моих силах.

- И он вернет мне стол отца?

- Ну что ты будешь с таким делать? – с огорчением развел руками Мстислав. - Голова на ниточке держится, а он все туда же! Как можно вернуть стол князю изгою в обход лестницы,

которую утвердил Ярослав Мудрый?

- Однако ей не гнушались пренебрегать Всеволод Олегович, Изяслав Мстиславович... - начал было перечислять князь Илья, но Мстислав решительным жестом остановил его:

- Так то ведь - князя!

Мстислав испытующе оглядел пленника и укоризненно покачал головой:

- Сохрани тебе жизнь, так ты же опять возьмешься за старое! Снова начнешь грабить, жечь, толпами угонять русских людей в полон, а, поймавшись, давать крестные клятвы и бесстыдно нарушать их...

Князь Илья смело выдержал взгляд Мстислава и с вызовом уточнил:

- А разве, считай, все без исключения княжившие прежде и нынешние князья - не творили и не творят того же?

- Так то же князя! - снова повторил Мстислав.

- А мне, стало быть, выходит, нельзя этого лишь потому, что я в одночасье лишился отца и деда? - возмутился князь Илья и услышал в ответ твердое:

- Да!

- Но я хочу лишь вернуть себе хотя бы часть принадлежавших мне по наследству - чести и звания! - призвав на помощь весь свой дар убеждения, боль, мольбу, немое напоминание о долге Мстислава перед его отцом, попытался объяснить князь Илья.

Но князь Мстислав был непреклонен.

- И думать о том забудь! - сурово сказал тот. - На то нет твоего права - ни по закону, ни по правде, ни по совести!

Князь Илья, понимая, что все уже решено и сказано, причем лет за сто до этого, все-таки поднял на него глаза и, с последней надеждой спросил:

- И никак... ничего... никогда уже не исправить?

Князь Мстислав отрицательно покачал головой и сказал только одно, но жестокое, словно смертельный удар копьем, слово:

- Нет.

Они долго простояли молча и, наконец, Мстислав уже другим, более мягким, и даже будто бы виноватым голосом напомнил:

- И все-таки я хотел бы выполнить свой долг перед твоим отцом.

- Между прочим, все знают меня, как Илью, а он дал мне самое что ни на есть княжеское имя - Рюрик! - горько усмехнулся князь Илья.

- Надо же... - с сожалением покачал головой Мстислав и уже просительно посмотрел на него: - Так что я могу для тебя сделать?

Князь Илья равнодушно пожал плечами и, сквозь туман в голове, сам не зная почему, ответил:

- Да ничего мне не надо. Разве что... дозвошь приходить ко мне в поруб всем, кто только захочет?

- Разве тебе неведомо, сколько тут желающих убить тебя еще до приговора Божьего суда? - удивился Мстислав и испытующе посмотрел на пленника: - Или...бежать собрался?

- А хоть бы и бежать! - усмехнулся тот, только теперь вспоминая известие охранника, что примчались друзья, готовые помочь ему совершить побег, и знакомый голос, который собирался выручить его, выйдя на поединок с князем Борисом.

- Ну что ж... Будь по-твоему! - подумав, решил князь Мстислав. - Сам Христос благословляет посещение узников, в темницах сидящих. Только не обессудь, если я еще больше усилю охрану поруба!

И знаком приказал старшим дружинникам увести пленника.

Глава шестая

Князь Илья поднял голову и увидел лежавшее у горящей свечи Евангелие.

С тяжелым сердцем князь Илья возвращался обратно в темницу.

Он был подавлен беседой с князем Мстиславом. Скажи ему то же самое Борис Давыдович, князь Михаил, да любой другой из князей – он бы пропустил их слова мимо ушей. А тут, словно землю вдруг выбило из-под ног... Князь Мстислав – слов на ветер не бросает. За ним за самим, как за крепостной стеной: и закон, и правда, и совесть. Причем, не только его, но и всей Руси... Не зря его так любили и уважали в народе.

Князь Илья тяжело опустился на свое место в порубе и обхватил голову обеими руками. Боль в руке даже радовала его: с ней было легче переносить такую жестокую обиду судьбы...

Последнее, на что он надеялся и чем оправдывал себя все эти годы и, особенно в эти дни и даже часы Божьего суда – оказалось всего лишь жалким, пустым самообманом. И... как же теперь жить?

Появившийся в порубе воевода что-то тихо сказал охраннику, показывая глазами на дверь, на меч и на князя Илью. Тот понимающе кивнул, вытянулся во весь свой богатырский рост перед ушедшим воеводой и уже куда более весело подмигнул пленнику.

На этот раз князь Илья даже не обратил на это внимания. Совсем иное занимало его думы.

Как же теперь жить-то дальше? И главное – чем?...

Он поднял голову, увидел лежавшее у горящей свечи Евангелие и, раскрыв его, прочитал:

«Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы. Возмите иго Мое на себе, и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим. Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть».

Князь Илья удивился, как вдруг по-иному прозвучали эти настолько знакомые, что он давно уже перестал вникать в их глубинный смысл, слова. Сердце само рванулось к ним. Но разум продолжал оставаться на месте.

«Легко сказать – стать смиренным и кротким в этом коварном, не знающем пощады мире! – покачал головой он, и тут же, устыдившись, оборвал себя на полумысли: – Хотя – Христос сам подал пример нам в этом, взойдя, вместо того, чтобы стать царем всех царей и обладать сокровищами всего света, на страшный голгофский Крест...»

2

Горислава замерла с уже протянутой к шнурку с печатью рукой...

Дверь поруба неожиданно скрипнула и отворилась.

- Вот и первый гость! – усмехнулся князь Илья, поднял голову и остолбенел.

На пороге стояла... Горислава. Румяная с мороза. Красивая. В ушах – серьги. На пальцах перстни – подарки батюшки с матушкой и... как он сразу заметил – их обручальное колечко...

А в руках... в руках у нее был узелок. Охранник увидев его, требовательным знаком велел развязать и показать, что там, очевидно, чтобы убедиться, нет ли в нем ядовитого зелья.

Горислава подошла к нему, что-то шепнула, отдала, и тот сразу отвернулся к стене и сделал вид, что все, что произойдет дальше, его совершенно не касается.

А Горислава, с так и не развязанным узелком, направилась прямо к князю.

Если бы он был повнимательней, то сразу б заметил, что на одном из пальцев девушки не доставало самого дорогого, доставшегося ей в наследство от еще прабабушки, великой, как он слышал, княгини, перстня...

Да и до того ли было ему сейчас?... Действия охранника он просто отнес к заслуге своей бывшей невесты, своей кротостью и чистотой умевшей укрощать самые злобные сердца...

Князь Илья повернулся к ней, цепь зазвенела, и он горько усмехнулся, кивая на нее:

- Вот где довелось нам с тобой встретиться!..

- Но я же ведь обещала, что пойду за тобой хоть на край света. А это – всего лишь смоленское княжество! – напомнила, подсаживаясь к нему, Горислава и прошептала: - Любый мой!

- Как! Ты... прощаешь меня? - недоверчиво посмотрел на нее князь Илья.
- Да как же я могу таить обиду на человека, который, после Бога, для меня роднее всех людей на земле? Дороже батюшки... дороже матушки... - не скрывая своей любви, ответила Горислава.

Помогая себе зубами, она быстро развязала узелок и стала выкладывать рядом с открытым Евангелием крошечные баночки и горшочки...

- Что это? - покосился на них князь.

- Целебные, чудодейственные мази! - прошептала в ответ Горислава. - Конечно, надо было сразу помазать ими твои ожоги, но давшая мне их травница сказала, что, быть может, еще не поздно...

- Оставь это... - отстраняя от себя здоровой рукой снадобья, покачал головой князь. - Поздно... Все уже поздно! Да и чтобы снять повязку - придется ломать печать...

- Ничего не поздно, любый! - настойчиво принялась открывать баночки Горислава. - И с печатью все уже договорено. После меня сюда придет Мстислав Мстиславович и сделает новую!

- Вот как? - изумился князь Илья. - Да чем же ты прельстить-то его смогла, что он даже Бога не побоялся?!

- Как чем? Своей любовью конечно - к тебе! - зардевшись, поспешно уточнила Горислава. - Он в любви толк понимает, и жену свою так любит, что у них, наверное, будут самые счастливые на земле дети! [2]

Князь Илья согласно кивнул и сказал:

- Так вот, чтобы это было действительно так, унеси все это обратно. Я не хочу отплачивать князю за такое благородство немалыми неприятностями! Узнав про то, что он осмелился вмешаться в суд Божий, такой строгий ревнитель закона, как князь Мстислав Храбрый, может просто-напросто лишить его наследства!

Горислава замерла с уже протянутой к шнурку с печатью рукой и предложила:

- Давай хоть тогда помажем ее прямо через полотно!

- Нет! - тоже решительно отказался князь. - Это сразу будет заметно...

- Какой же ты у меня упрямый! - вздохнула Горислава.

Князь Илья виновато пожал плечами и сказал первое, что пришло ему в голову:

- А может, я просто хочу Божьего суда?

- Да разве ты не понимаешь, чем он закончится?

- Конечно - тем, что и заслужил!

Горислава собрала в узелок горшочки, баночки и с упреком спросила:

- А обо мне ты подумал?

- А чего мне о тебе думать? Я и так... никогда не забывал тебя! - с трудом выговаривая слова, проговорил пленник. - Не беспокойся, о твоём возвращении к батюшке я позабочусь даже отсюда!

- Благодарствую...

- Да было б за что...

Они помолчали, словно замороженные, глядя, как догорает свеча. И когда она стала гаснуть, Горислава, вздрогнув, зажгла от нее запасную, лежавшую рядом и искоса посмотрела на следившего за каждым ее движением князя.

- Ты давеча спрашивал, прощаю ли я тебя? - спросила она и тут же ответила: - Так вот я прощаю тебе, князь. И то, что ты увез меня от батюшки, и, что чуть было не отдал под венец нелюбому. Не бойся, я никогда не стану женой Бориса Давыдовича. И вообще любого другого князя. Я так решила: если с тобой что случится... словом, если тебя больше не будет на белом свете, то... уйду в монастырь. И там буду молиться о твоей душе и оплакивать свою горькую долю... Ну, а теперь, князь... - поднимаясь, вдруг чужим тоном сказала она.

Пленник поднял глаза и поразился той перемене, которая произошла в ней. Перед ним стояла не любимая, готовая пойти ради него на все, девушка, а воспитанная в строгости и помнившая

свое достоинство и честь княжна.

- Я все простила тебе и... прощай! - сказала она и, не оглядываясь, вышла из поруба.

3

- Нет! - даже не слушая, сразу отказался князь Илья.

Еще тягостней стало на душе князя Ильи. Холодно. Сиротливо. Одиноко.

Не с охранником же было говорить ему о своей боли!

К счастью, почти сразу же после ухода Гориславы, в порубе появился молодой князь. Ладный, красивый, он, подойдя, положил ему на плечо руку и одобрительно кивнул на раскрытое Евангелие.

- Читаешь? Это хорошо! Значит, сам Бог рядом с тобой! - он посмотрел на удивленно взглянувшего на него князя и пояснил: - Святые отцы пишут, что когда читаешь что-нибудь светское, то словно бы говоришь с тем, кто написал его, а когда Евангелие - то Сам Господь говорит с тобою!

Он жестом выслал из поруба охранника, и когда тот закрыл за собой дверь, с доброй улыбкой сказал:

- Я так и знал, что ты откажешься. Просто у нее не было никакой иной надежды, и я не мог отказать ей.

Князь Илья благодарно кивнул.

- Но ты не думай, что мы с отцом так просто отдадим тебя Борису Давыдовичу! У нас хватит сил, чтобы противостоять даже князю Михаилу, если ему удастся уговорить его! - с жаром начал Мстислав Мстиславович. - Даже если... - он кивнул на обвязанную руку пленника и запнулся.

Князь Илья сразу все понял, и сам пошел навстречу благородному князю:

- Не если, а - когда Бог покажет всем, что я виноват, - поправил он и спокойно продолжил, - то твой отец, по закону, просто обязан будет казнить меня.

- Но он может смягчить приговор! - возразил Мстислав Мстиславович.

- А ненавидящие меня смоляне? А любящий, чтобы все было по правде и совести, народ? - напомнил ему пленник. - Ведь об этом узнает вся Русь! Ты подумал, какая недобрая молва пойдет об известном своей справедливостью, славнейшем из всех князей? И чтобы он из-за такого как я... - запнулся теперь уже он, и Мстислав Мстиславович, опять-таки с жаром начал:

- Но...

- Нет! - даже не слушая, сразу отказался князь Илья. На глаза ему попало Евангелие, и он обрадовался его неожиданной подсказке: - Пусть все будет так, как должно быть. Я хочу Божьего суда!

Второй раз произнес он эти слова и впервые вдруг подумал: а, может, и правда, это действительно именно то, что он хочет?

Мстислав Мстиславович с уважением посмотрел на князя Илью, и тот, видя, что перед ним человек, которому со спокойным сердцем можно доверить самое дорогое, сказал:

- Об одном лишь хочу тебя попросить!

- Сделаю все, что только в моих силах! - клятвенно прижал ладони к груди молодой князь.

Князь Илья с незаметным вздохом посмотрел на дверь, за которой навсегда ушла из его жизни любимая, и попросил:

- Отвези Гориславу домой. Сам. Лично. И уприси отца написать такое письмо, чтобы примирить ее со своим батюшкой...

Мстислав Мстиславович понимающе кивнул и вдруг с деланным огорчением развел руками:

- А вот этого я как раз не буду: ни просить, ни делать!

- Почему? Ведь это - мое последнее желание! - думая, что ослышался, переспросил князь Илья.

Молодой князь загадочно улыбнулся и уже совсем по-дружески потеревил за плечо вконец растерявшегося пленника:

- Да потому что князь Владимир сам едет сюда. Зачем моему отцу зря писать письма, тратить свинец на печати, если можно передать твою Гориславу прямо из рук в руки?

Он оглянулся на дверь и с таинственным видом шепнул:

- Кстати, князь Владимир едет сюда не только ради дочери. У него очень серьезный разговор с отцом. Требуется едва ли не вся наша дружина! Поэтому я думаю, он с радостью согласится выполнить то, о чем ты просишь. Тем более, что он сам очень любит свою дочь!

Разговор двух молодых князей был окончен.

Мстислав Мстиславович крепко пожал здоровую руку князю Илье. Потоптался на месте и вдруг сказал:

- У меня тоже могла быть к тебе одна просьба... Но, теперь, как вижу, она ни к чему!

- И все же - какая? - вопросительно посмотрел на него пленник.

Мстислав Мстиславович как-то виновато посмотрел на него и ответил:

- Обменяться нательными крестами, чтобы нам с тобой сделаться братьями. Но... ведь мы и без этого с тобой - братья, верно?

Вместо ответа князь Илья встал, вытянул руки и обнял своего благородного и мужественного гостя. Плечи его вздрагивали.

И долго, даже после того, как Мстислав Мстиславович вышел, он еще не мог вдохнуть полной грудью...

Глава седьмая

1

Князь Илья торопливо кивнул и впился глазами в друга...

Медленно потянулось время.

Первого охранника сменил второй. Он сел у двери и, уже почти не глядя на князя Илью, засапожным ножом стал вырезать из чурки фигурку какого-то зверя.

Гостей больше не было. Да и кому было навещать его? Разве что только его людям, которые уже пытались организовать побег с помощью первого охранника. Но они почему-то не торопились. И как ни странно, пленник был даже рад этому.

Неожиданно ему вдруг стало все равно: убьет ли его этот охранник или нет. Хотелось, конечно, узнать приговор Божьего суда. Но - какая разница - свершится он прямо сейчас или завтра?...

И князь Илья, закрыв глаза, задремал. Очнулся он от того самого, поразившего его в тереме своей знакомостью, голоса:

- Ну, здрав будь, что ли, князь...

Князь Илья приподнявшись на локте, всмотрелся в вошедшего в поруб нового гостя и, увидев приветливо улыбающегося мужчину лет тридцати с открытым, честным лицом, изумленно прошептал:

- Радим... Ты?!

- Как видишь!

Князь Илья сел и облегченно потер рукой лоб:

- Так вот чей голос я слышал в гриднице князя Мстислава... А то все гадал, никак не мог вспомнить...

- Немудрено, уже год, как не виделись...

Пленник покачал головой - надо же, как время быстро летит, и с жадными расспросами накинулся на присевшего рядом Радима:

- Как ты? Где ты? И вообще, откуда прознал, что я тут?

- Какая тебе разница? - равнодушно пожал плечами тот. - Главное, что я здесь. Не хватало бы

мне еще оставлять своего друга одного в беде, в окружении стольких врагов!

- И это после того, как я бросил тебя в бою?! - с виной во взоре посмотрел на него князь Илья и услышал в ответ насмешливое:

- А до этого - сколько раз, стоя спина к спине, мы отбивались с тобой от целых вражьи отрядов?

- Но в тот раз ведь - предал! - напомнил князь Илья.

Радим без осуждения посмотрел на него и напомнил:

- Ты забыл добавить, что был тогда ранен!

- Да какая разница? - возмутился князь Илья. - Это же я затеял то дело, я неверно повел бой, и первым же вышел из него.

- Положим, не вышел, а тебя вынесли! Впрочем, как потом и меня... С тою лишь разницей, что тебя друзья, а меня - враги!

Радим потер плечо, очевидно вспоминая полученную в том бою рану, и с упреком заметил:

- Целый год не виделись... Нам что, больше поговорить не о чем?

- Нет, погоди! - упрямо не согласился пленник и испытующе спросил: - И что же, ты так-таки действительно вышел бы вместо на меня на поединок с князем Борисом?

- Ну да! - слегка удивленный вопросом, кивнул Радим.

- Против этого закованного в латы кабана, которого и без доспехов-то никакая стрела и меч не возьмут? У которого нет ни одного слабого места?!

Радим спокойно пожал плечами и, не задумываясь, ответил:

- Так ведь это же - Божий суд! Тут уже от нашей воли и желания ничего не зависит. Вспомни, как Давид победил великана Голиафа!

Князь Илья торопливо кивнул, мол, помню, и впился глазами в друга:

- И у тебя что - была надежда в нем победить?

- Не большая, если сказать тебе честно...

- А если бы вообще не было этой надежды?

- Ну, если бы я был уверен в том, что ты полностью виноват, то, конечно же, нет, не вышел! - уверенно ответил Радим и зябко передернул плечами: - Самоубийство - непростительный грех!

- Так что же - ты хочешь сказать, что за мной есть и какая-то правда?! - почти выкрикнул князь Илья, не замечая, что охранник давно уже прислушивается к каждому слову их беседы.

- Как бы тебе сказать... - задумался вслух Радим. - Обиженные тобой люди видят в тебе только зло, которое ты им сделал. Но мне, как твоему другу, нередко доводилось подмечать совсем иное....

- Например?

- Я помню, как ты, не жалея своей жизни, кстати, и нашей тоже, при первой же возможности, отбивал у половцев всего лишь час назад отданный им полон... Как не задумываясь, откликнулся на отчаянный зов погибавших в несправедливых войнах братьев. Как спас однажды из огня, горевшую в подожженном твоими же воинами доме, мать с ребенком... Так что к ожогам, я думаю, тебе не привыкать!

- Надо же, я совсем забыл про это... - пробормотал, никак не ожидавший услышать хоть слово в свою защиту, пленник.

- Главное, что Господь помнит! - показал глазами на Евангелие Радим. - Он никогда не забывает даже мельчайшего человеческого добра. Потому что его так трудно, а порой просто невозможно сделать в этом преисполненном злом мире!

Радим помолчал и, покосившись на сделавшего вид, что старательно достругивает фигурку медведя охранника тихо сказал:

- Я пришел, не только для того, чтобы повидаться и ободрить тебя.

- Но и предложить, как в наши былые годы - план какого-нибудь дерзкого побега? - понимающе взглянув на него, подхватил князь Илья и не успел еще решить, что ответит на такое предложение друга, как тот вдруг сказал:

- Нет. Скорее, наоборот. Предостеречь.

Радим выдержал удивленный взгляд пленника и пояснил:

- В граде я видел несколько человек, с которыми ты был связан в последнее время. Они наверняка предложат тебе такой план. И он вполне может быть осуществимым. Но я - твой друг и должен сказать. Не слушай их. Они не доведут тебя до добра. А зла тебе и без того хватило...

Но... - попытался возразить князь Илья и почувствовал, как на его плечо тяжело легла ладонь друга.

- Над тобой совершается Божий суд, - поднимаясь, сказал тот. - И, каким бы ни был приговор, прими его, как из руки Господней. Ну, а теперь - не говорю тебе: «Прощай!», говорю: «До встречи!». Не здесь, так там! - кивнул он головой туда, где над сводами поруба было небо. - Собственно, вот и все, что я хотел сказать и тем более, сделать.

Обняв на прощание друга, Радим вышел.

Почти тут же за дверью послышался голос первого охранника, заговорившего с внешней стражей. Второй охранник встал с лавки и перед тем как уйти, неожиданно бросил князю Илье свою законченную работу: лохматого, поднявшегося на задние лапы медведя.

Тот оглядел на него и растерянно посмотрел в спину уходящего воина.

Очень искусная работа. Но главное - морда этого, готового к нападению матерого зверя, была... доброй.

2

- Как это? - не понял купец и взмолился...

Князь Илья снова лег и стал думать о том, как порою неожиданно все изменяется в жизни. Белое вдруг становится черным. Черное - белым... А иногда даже всеми цветами радуги. Правда, это уже не для него... С ним такое однажды случилось, только - наоборот. Когда все цветное и светлое в одночасье сделалось темным...

Первый охранник все время порывался ему что-то сказать, но удерживал себя и только с нетерпением поглядывал на дверь.

Наконец, она открылась, но, судя по выражению на лице охранника, пришел совсем не тот, кого он ждал.

На пороге стоял невысокий полный мужчина, по лицу и одежде купец. Так оно и оказалось.

- Вот, - перекрестясь на икону, сказал он, назвавшись купцом Диомедом. - Должок тебе, князь, принес! Точнее, из уважения к его величине, правильнее сказать - долг!

- Какой еще долг? - не понял князь Илья.

- Как! Ты не помнишь?!

Купец мелкими шагами просеменил к нему и принялся объяснять:

- Три года назад я вез товар из Тмутаракани. Хороший товар. Дорогой. Настолько дорогой и хороший, что на него позарились лихие люди, следившие за мной от самого торжища и напавшие по дороге. Товар они отобрали. Меня уже хотели убить. Но, к счастью, ты тогда проезжал мимо. И, хотя твой отряд был куда меньше, разогнал их и приказал своим людям не трогать ничего из моих товаров, а самого меня отпустил с Богом. Вот я тогда и дал тебе слово, что десять процентов с прибыли от тех товаров - будут твои.

- Ну и что?

- Как что! Как что?! - опешил купец. - Дела-то мои пошли в гору! Товар продан с прибытком, тот прибыток дал новый, тот еще, еще... Словом накопилась такая сумма, что и назвать-то страшно... - словно в подтверждение своих слов, он оглянулся и зашептал: Сегодня я случайно увидел во дворе терема человека, который тогда был с тобой. Радимом его зовут. Он сказал мне, что ты тут, и вот я сразу здесь. А золото и серебро ты можешь получить по первому же твоему желанию!

- Да зачем мне теперь они? - равнодушно пожал плечами князь Илья.

Охранник многозначительно кашлянул и отчаянными знаками принялся показывать пленнику, что не гоже отказываться от денег. Пригодятся, мол, пригодятся!.. Но тот только отмахнулся от него и устало сказал купцу:

- Оставь их себе...

- Как это? – не понял купец и взмолился. – Я - русский купец, и никогда не присваивал себе чужого! И потом, князь, ты обо мне хоть подумай! Каждый шаг человекам неведом. А уж решение Божьего суда и подавно! Мало ли что с тобой будет завтра... И что мне, тогда всю жизнь – с такой тяжестью, как не отданный долг, на душе ходить?!

- Ну, так раздай на помин моей души, кому только сможешь...

- Раздать - раздам! И по монастырям, и на храмы! – часто-часто закивал купец. – Только... все равно много останется!

- Даже не знаю, что тогда еще и придумать... - растерялся пленник.

В поруб вошел холоп и принялся растапливать печь. Он уже не насмеялся и вообще ни разу не оглянулся на пленника.

Зато князь Илья посмотрел на него и, неожиданно поняв, что надо делать, спросил купца:

- А... раба выкупить на свободу там хватит?

- Да хоть десять... двадцать рабов!

- Тогда... - князь приблизил лицо к подававшемуся к нему с готовностью купцу и показал глазами на холопа: - Выкупи и освободи его! А потом, когда будешь в разных городах, попробуй отыскать его близких и тоже помоги им... Только сделай все как-то поосторожнее, чтобы он от радости вдруг не умер...

- Хорошо!

Купец, понимающе улыбнувшись, подошел к рабу и спросил:

- Ты чей будешь, холоп?

- Лавочника Микулы.

А, знаю! – кивнул купец и, обернувшись к князю, сказал: - Это один из моих здешних должников! Тем проще будет управить все дело! – И, уже обращаясь к рабу, приказал: - Сходи-ка к нему и скажи, что купец Диомед его кличет. Да чтоб потарапливался!

Раб сорвался с места и исчез за дверью. Не прошло и пяти минут, как в порубе, вслед за холопом, появился задыхавшийся от быстрой ходьбы лавочник.

- Вот что! – показывая пальцем на раба, сказал ему Диомед. – Я забираю у тебя этого раба, так уж и быть, благодари князя, за – тройную цену! Спишешь эту сумму с общего долга!

Счастливый лавочник, ничего не понимая, принялся кланяться князю, купцу...

- Подожди! – остановил его князь и спросил:

- Есть у вас какая-нибудь выставленная на продажу гончарная мастерская?

- Да! – не задумываясь, ответил лавочник. – И не какая-нибудь, а столь хорошая, что никто до сих пор не может купить ее... Слишком уж дорога!

«Хватит на нее?» - немым взглядом спросил у купца пленник и, встретив кивок, сказал лавочнику:

- Мы покупаем ее!

После этого он знаком подозвал к себе не осмелившегося даже присесть перед печкой холопа и спросил:

- Ну, а ты что стоишь? Свободен!

- Как это... я ведь еще печку не протопил! – не понял тот, но князь, пряча в усах улыбку, отрезал:

- Вообще свободен! Ты больше не раб. Закончишь протапливать и уходи. В свою гончарную мастерскую! Твой бывший хозяин покажет тебе, где она... Ну, а если Диомеду удастся разыскать твоих близких, то готовься встречать и их!

Услышав это, освобожденный холоп только теперь понял, что произошло. Он изменился в лице, повалился в ноги князю, но тот, гремя цепями, приподнял его и развернул в сторону Евангелия и иконы:

- Не меня! Вот Кого надо благодарить!

3

Мысль о возможной свободе, словно хмельной мед, ударила в голову князя...

Купец с лавочником ушли. После них, то и дело, пока топил печь, оглядывавшийся на князя – но разве теперь так как прежде?! – освобожденный раб, у которого, оказалось, есть даже имя – Чудин.

Князь Илья проводил его просветлевшим взглядом и вздохнул полной грудью.

Как-то вдруг легко, тепло сделалось на душе. Даже рука перестала ныть. Что касается ее, то князь был убежден, что тут не обошлось без помощи Гориславы. Даже прикосновение ее пальцев оказалось целебнее всех снадобий и притинок. А что касалось души... Она словно испытывала сейчас то, что испытывал этот – Чудин.

«Эх, сколько времени потерял, сколько добра мог сделать!» - с запоздалым сожалением неожиданно подумал князь, и вдруг услышал сначала голоса за стеной поруба, а затем и облегченный возглас охранника:

- Ну, наконец-то!

- Кто там еще? – повернул к нему голову князь.

- Твои друзья!

Дверь распахнулась, и в поруб вошли действительно хорошо знакомые князю Илье люди. Один смуглый, другой, наоборот, круглолицый и бледный, как полная луна. Это были его помощники, с которыми он в последний год, собрав большой конный отряд из выгнанных за различные провинности князьями дружинников, да и просто ночных татей со всех больших дорог, прошелся едва ли не по всей Руси и столько бед натворил в смоленской земле. Не побоялись, что, узнав их, смоляне посчитаются с ними без всякого суда. Видно, и правда, нужен, ох, как нужен он им!

Вошедшие тем временем привыкли после яркого солнечного света к полутьме, нашли глазами князя и обрадовано загомонили:

- Слава, Тебе, Господи!

- Успели!

- Не гневите Бога суетными словами! – строго остановил их князь Илья. - Говорите лучше сразу - с чем пожаловали!

- Ох, ох! Сразу видно, что князь! – притворно передернул, будто от страха, плечами смуглый и с одобрением посмотрел на пленника: - Именно такой нам и нужен! Но и ты тоже, куда без таких, как мы? Братьям своим ты не больно-то, как мы видим, нужен!

Князь Илья метнул на говорившего гневный взгляд, и тот, несмотря на то, что пленник был прикован к стене, невольно попятился и уже, как сильному слабый, сказал:

- За тобой мы, князь! Всё искали пути-выходы для тебя отсюда, да только все они перекрыты. Ты даже догадаться не сможешь, кто нам решил помочь в этом почти безнадежном деле!

Князь Илья недовольно нахмурился: не тyani, говори толком, и тот сразу ответил:

- Князь Борис!

- Борис Давыдович? – удивленно переспросил пленник, и второй его помощник, с жаром подтвердил:

- Да! Он! Когда мы уже совсем отчаялись, то удалось через его людей выйти на него самого. И он сказал, что совсем не хотел твоей гибели и готов исправить свою вину. Больше того, после всего он заключит с нами союз и когда понадобится, будет призывать наш отряд под свои стяги!

- Свою же, самую большую охрану, что за воротами, он снимет, - включился в разговор смуглый, - и даже пообещал выделить несколько дружинников, чтобы они помогли провести тебя через двор.

- Звучит, конечно, правдоподобно. Князю Борису, кстати, любая дружина нужна, тем более такая боевая, как наша. И с князем Мстиславом у него кажется, дружбы не получилось. Но... - князь Илья испытующе посмотрел на помощников: - А вы не подумали, что князь Борис только посмеется над вами и, получив меня, выгонит вас вон? Или даже отдаст на растерзанье смолянам? - он усмехнулся и пояснил: - Зачем ему весь я? Ему вполне достаточно и одной моей головы, чтобы отвезти ее во Владимир и заслужить дружбу князя Михаила!

Но помощники князя были не так просты.

- И то мы учли! - перебивая друг друга, принялись убеждать они.

- Как ни хитер князь Борис, а мы все же хитрее!

- Так мы и передали тебя ему!

- Сразу же, как только выйдем за ворота, сядем на поджидающих нас свежих коней и - ищи ветра в поле.

- А волка - в лесу!

- Допустим... - согласился князь Илья. Неожиданная мысль о возможной свободе, словно хмельной мед, ударила ему в голову: - Но ведь до ворот надо еще идти...

- И тут все учтено! - снова взялись за свое помощники.

- Каждая мелочь!

- С этим твоим охранником уже все договорено.

- Наши люди, если что, легко справятся с дружинниками князя Бориса - кинжалы в бок, и вся недолга!

- Дело сделаем ночью!

- Не рано, но и не поздно - когда все уже будут спать, а охрана решит, что ты окончательно смирился со своей участью и - ха-ха! - ждешь этого Божьего суда!

Последние слова слегка отрезвили князя и он, делая над собой небольшое усилие, спросил:

- А может, я, и правда, хочу его?

- Кого - его?.. - не понял смуглый помощник

- Но ты же сам сказал только - Божьего суда!

- Да ладно тебе! - не поверил тот и принялся говорить о том, как вырос их отряд, какие крепкие богатыри появились в нем. С такими они его не то, что в малом городе - над самим Киевом, а то и во Владимире - княжить поставят!

Слушая его, князь представил себе, как снова садится на коня, как ветер свистит в ушах, а потом опять - звон мечей, крики воинов, свист стрел... И, как знать, может, и Гориславу удастся тогда вернуть?..

«А что? Заманчиво было бы, конечно, согласиться с ними, и, испытав еще раз судьбу, начать все сначала!» - всерьез стал задумываться он, но его же собственная мысль, которая, вроде проскользнула и помчалась дальше, как дикий конь, вдруг остановилась и вернулась к нему.

«Испытать? Судьбу? - вдруг подумал он. - А разве она не испытывается сейчас Самим Богом?»

Князь Илья еще несколько минут, уже не слыша, о чем продолжают говорить помощники, помолчал и, наконец, спросил:

- Все сказали?

- Да вроде бы, да! - обрывая себя на полуслове, кивнул смуглый и замер, в ожидании похвалы и дальнейших указаний.

Но пленник сказал совсем не то, что тот ожидал услышать.

- Ну, а раз так, - сделал вид, что зеваает в кулак князь. - То и разговор наш закончен. И теперь - уходите!

- Что? - в недоумении заморгал помощник с бледным лицом.

- Я сказал, ступайте прочь! Я... хочу спать и никуда не пойду.

Помощники переглянулись, поскребли пальцами затылки и, наконец, тот, что с бледным лицом, обреченно махнул рукой:

- Э-э, да что с ним без толку говорить? Видать, крепко отделали кистенями люди князя Бориса его голову...

- Пошли, пока нас и правда тут не признали! Что мы, другого князя-изгоя себе не найдем? - согласился с ним смуглый и напоследок с ухмылкой сказал пленнику: - А ты оставайся и жди своего Божьего суда, коли так хочешь!

Оглядываясь на всякий случай - вдруг в последний момент их князь передумает, помощники, не спеша, прошли к двери, долго-долго открывали ее, но закрыли уже зло и решительно.

Охранник с недоумением покосился на князя.

А тот, не обращая на него никакого внимания, уткнулся лицом в волчью шкуру и прошептал:

- Нет, и в этом неправда ваша, бывшие мои дружки-приятели... Я не просто его хочу, а - жажду!

Глава восьмая

1

- Илья... - протягивая руку, в отчаянии простонала Горислава.

Прошло совсем немного времени, и дверь снова решительно распахнулась.

«Ну, если это опять они заявились...», - нахмурился князь Илья. Он невольно сжал в кулаки пальцы обеих рук, забывая даже, что одна из них больная и тут же бессильно разжал их.

В поруб вошла... Горислава.

- Ты?.. - не веря своим глазам, радостно вскричал он.

Но та, словно не обращая на него внимания, сразу прошла к охраннику и стала о чем-то договариваться с ним. Охранник сначала замахал на нее руками, но потом вдруг согласно кивнул и, заслонив могучей спиной княжну, стал принимать от нее что-то...

Долго стояла возле него Горислава... Но, наконец, подошла к князю и незнакомым ему деловито-взволнованным тоном ответила:

- Как видишь...

- Что-то случилось? Уже приехал твой батюшка и гневается на тебя? - не на шутку встревожился князь.

- При чем тут я? - отмахнулась Горислава и зашептала: - К тебе вот-вот должны прийти люди. Они предложат тебе побег...

- А-а, вот ты о чем! - сразу успокоился пленник. - Так они уже были!

- И.. что же ты им ответил?

- Да ничего. Просто взял, да и выгнал!

- Слава Тебе, Господи! Услышал молитву мою! Отвел беду от любимого!.. - Горислава с благодарностью взглянула на икону, перекрестилась и вновь перевела глаза на князя: - Собирайся с силами, сейчас побежишь вместе со мной!

- Да ты что? Я же ведь только что отказался от побега!

- Ты отказался потому, что они предлагали тебе побег во зло, а я - во имя добра и любви! Для твоего же спасения!

Князь Илья отрицательно покачал головой, и Горислава прижавшись лицом к его перевязанной руке, зашептала:

- Пойми, этой ночи тебе не пережить! Так говорят уже все! А Борис Давыдович и вовсе не скрывает этого! Князь Мстислав обещал поставить снаружи поруба самых лучших дружинников. Но все равно беспокойно моей душе...

Она подняла лицо и торопливо принялась говорить:

- Ты погоди, не отрицай, только дослушай меня до конца! Я уже обо всем договорилась с твоим охранником. Он согласен! Ты легонько, чтобы не до смерти, оглушишь его кулаком, переоденешься в мою одежду, на мне ее сейчас столько, что на обоих хватит... И мы с тобой незаметно выйдем из поруба, а там и за ворота терема!

Князь Илья на мгновение задумался. С одной стороны, ему не хотелось огорчать любимую

отказом, но с другой – он обязан был отказаться. Но что, как сказать ей? И такой выход, к счастью, нашелся.

- А цепь? – напомнил, кивнув на свои ноги, князь.

Но Гориславу не так просто было сбить с толку.

- А я и об этом подумала! – тут же сказала она. – Охранник сейчас приведет кузнеца, и тот освободит тебя от оков...

- Да ты что, звона ведь будет – на всю округу! – попытался остановить ее князь и снова услышал уверенное:

- И об этом я не забыла! Охранник, будто похваляясь своей удачей, предложит игровой поединок на целую золотую монету с двумя внешними стражниками. Они, чтобы согреться и заработать, конечно же, согласятся. И за звоном мечей никто не услышит ударов молота!

- Надо же, как у тебя все складно! – только и смог подивиться князь Илья. – И чем это ты моего охранника так заворожила, что он на все согласился?

- Так он же ведь не задаром, Илюшенька! – опустив глаза, прошептала Горислава.

Князь Илья внимательно посмотрел на нее и только тут заметил, что в ушах княжны не сверкают сапфиры, а на пальцах не горят смарагды и жемчуга.

- Ах, вот оно что... – сразу все понял он, в гневе оглянулся и, увидев, что в порубе они остались одни, хрипло спросил: – Где он?

- Да ведь я тебе объяснила! Уже за кузнецом побежал!

- Вернется, – сквозь зубы процедил князь Илья. – Убью.

- Нет, Илюшенька, я договорилась, что ты ударишь его только не до смерти! – думая лишь о своем, попросила княжна и, торопясь, сбросила с себя шубу. Под ней оказалась другая. Сбросила и ее. Под ней уже был сарафан.

Горислава взялась за подол, чтобы снять его с себя и отдать любимому... Но тут дверь поруба вновь распахнулась, и раздался разъяренный рев князя Бориса:

- Ах, вот оно что?! Бесстыжая!!!

Князь Борис схватил за руку Гориславу и потащил к двери.

- Пусть все видят, какая-сякая ты есть на самом деле! Тогда меня ни твой отец, ни какой другой князь не посмеет упрекнуть за то, что я отказался брать тебя в жены!

- Илья... – протягивая руку назад, в отчаянии простонала Горислава.

- Горислава... – эхом отозвался князь и закричал: – Немедленно отпусти ее, негодяй!

Что было сил, он рванулся вслед за Борисом Давидовичем и упиравшейся Гориславой... Но цепь натянулась, и, как он ни старался, ни бился, не позволяла ему даже на перст двинуться дальше.

- Оставь ее! Мерзавец!! Подлец!.. – хрипел он, не прекращая своих отчаянных попыток помочь любимой.

- Кричи-кричи! Все равно скоро умолкнешь навеки! – оглянувшись, прорычал ему князь Борис и, рванув своей мощной рукой вконец обессиленную девушку, выволок ее вон из поруба.

Князь Илья с минуту простоял, не зная, что ему делать дальше, а затем рухнул на пол и ударил по волчьей шкуре обоими кулаками, даже не почувствовав боли в обожженной руке.

2

В том, что его завтра ждет казнь, он не сомневался...

Немного придя в себя, князь Илья даже представить себе не мог, что он скажет обобравшему Гориславу и предавшему его воину. Но, к счастью, в поруб вошел сменивший его второй охранник.

Войдя, он сразу принялся что-то искать, заглядывая под лавку и во все углы.

- Что-то потерял? – наконец, не выдержал князь.

- Да... – пробормотал охранник, вороша сено, которым был застлан пол.

- Не этого ли медведя? – кивнул на деревянную фигурку князь и услышал:
- Нет – нож. Небольшой такой, засапожный. Ты случайно не видел его?
- Да куда ж я могу уйти из своего угла? – мрачно усмехнулся князь Илья.
- И то верно... – согласно кивнул охранник. – Ничего не понимаю! Вчера только был. Куда он мог запропасться...

- Не беда, получишь жалованье – новый купишь!
- Новый? – Охранник резко разогнулся и в его голосе неожиданно послышалась боль: – Да где я второй такой найду? Ведь это же не простой нож. Мне его – жена подарила. Это единственное, что у меня от нее осталось. Там даже ее метка на память есть, в виде сердечка...

Он спросил вошедшую в поруб женщину, не видела ли та, убираясь, где засапожного ножа. Но она тоже не знала где он, сказав, что последний раз видела его, когда воин вырезал фигурку какого-то зверя.

Подойдя к пленнику, она посмотрела на нетронутый хлеб, похлебку, заглянула в кувшин и покачала головой:

- Так и не ел, не пил ничего с самого утра! Боишься – отравим? Зря!

Женщина заменила миску на новую и сказала:

- В городе теперь о тебе люди совсем по-другому говорят. Во всем осуждают тех, кто сбивал тебя с истинного пути. Одного из них, бледного такого, как смерть, узнали, так он еле сбежал! Потом опять же твой друг Радим немало чего хорошего о тебе людям рассказал. А после того, как ты холопа на волю освободил и снова его человеком сделал, так многие уже стали раскаиваться, что думали о тебе плохо. Да и потом, у нас на Руси всегда принимают сторону слабого и обиженного. А с тобой вон – как несправедливо обошелся князь Борис...

Услышав про главного своего врага, пленник дернулся и зазвенел цепью.

- За Гориславу досадно? – понимающе посмотрела на него женщина. – И это тоже напрасно! Ничего с ней худого не сделалось.

- Как это? – недоверчиво посмотрел на нее князь Илья.

- А вот так! Кривда она как ни сильна, а правда – все равно сильнее! Когда князь Борис ее из поруба на всенародный срам за собой потащил, по счастью, Мстислав Мстиславович со своими дружинниками поблизости оказался. Ну, как князь ни силен, те мигом его скрутили. Гориславу молодой князь отправил к своей жене, а Бориса Давыдовича – не ко сну будет помянут! – предупредил, что тому не бывать живым, если он не оставит Гориславу в покое! Еще он пригрозил, что не простит ему, коли и с тобой что случится, но... в ответ на это князь Борис только зубами проскрежетал. Ох, и люто зол он на тебя, ох и зол!

Князь Илья благодарно посмотрел на женщину и, глядя на огонь свечи, стал думать свою нелегкую думу.

В том, что его завтра ждет казнь, он не сомневался. Была, правда, небольшая надежда, что князю Мстиславу удастся отложить ее на два-три дня. Но в таком случае уж лучше бы сразу!

Пленник пошевелился, меняя позу. Цепи снова зазвенели, и он вдруг подумал о том, что вот даже эти цепи могут держать так, что не только небесного, а и самого дорогого земного достать не можешь...

Вспомнив о небесном, он взял Евангелие, полистал, выборочно читая, несколько страниц и вдруг застыл глазами на поразивших его строчках:

«Аминь бо глаголю вам: елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси: и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех» [3].

Эти слова тоже хорошо были знакомы ему. Но на этот раз в них поразило то – куда пойдет его душа, с таким множеством неразрешенных грехов?! Завтра, перед началом Божьего суда он вправе позвать игумена, исповедаться и очистить свою душу перед смертью. Ну, а если князю Борису удастся этой ночью совершить задуманное?

Князь Илья покосился на переставшего искать свой нож и сидевшего на лавке с потерянными видом охранника. А что если это вдруг сделает он, и прямо сейчас?.. Да нет, вроде, его отношение к нему тоже поменялось в лучшую сторону. А может, это притворство, чтобы никто

ничего не смог заподозрить? Нет, нельзя было рисковать вечностью!

И он сказал заканчивавшей вместо освобожденного раба протапливать печь женщине:

- Ты можешь выполнить мою последнюю просьбу?

Женщина выпрямилась и вдруг с вызовом уперла в бока кулаки:

- С чего это вдруг - последнюю? Или ты уже за Бога решил вершить человеческие судьбы, будь она даже твоей собственной? - она взглянула на не знавшего, что ответить ей князя и уже мягче сказала: - Ну ладно, говори, что надобно! Все для тебя сделаю!

Князь Илья благодарно кивнул ей и, с несвойственной для него торопливостью, проговорил:

- Тогда сходи... нет, сбегай к отцу игумену. Скажи, что я прошу... нет, умоляю его поскорее прийти исповедовать и... если благословит - причастить меня!

- Ой! - радостно всплеснула руками женщина. - Да ради этого я не то, что бежать -птицей лететь готова!

Бросив печь, она, не накидывая полушубка, выскочила из поруба.

3

- Отче! - звеня цепями, рванулся Илья навстречу игумену.

Секунды казались князю Илье часами.

Игумена все не было. Он стал неотрывно глядеть на икону и, как было давным-давно, когда с отцом и дедом они после говения ходили в церковь на исповедь и причастие, стал припоминать свои грехи. Их было столько, что он даже испугался, что забудет большую часть из них, когда придет игумен. А того все не было и не было... Как будто сам Господь давал ему возможность вспомнить все свои грехи.

Наконец, со словами: «Идет!» - вбежала женщина и тут же исчезла опять...

Зато в порубе появился тот, кого уже отчаялся ждать пленник. С крестом и... как сразу со вздохом облегчения заметил Илья, с мешочком на груди - в котором находилась Дарохранительница...

- Отче! - звеня цепями, рванулся навстречу к нему Илья.

- Вижу, все вижу и... радуюсь! - отвечив ему тот и, глазами приказав охраннику оставить поруб, дабы не мешал таинству, неспешно подошел к пленнику.

Все дальнейшее для князя Ильи происходило, словно в каком-то тумане. Главное для него было не забыть ни одного греха, который навсегда мог встать между ним и Богом. Еще он боялся, что игумен устанет и скажет: «Все, достаточно, хватит!» или, того еще хуже «Изыди от меня, разве такое прощается?!» Но тот терпеливо молчал, то ли качая, то ли кивая своей большой лохматой головой. И исповедь продолжалась...

Охранник мерз с внешней стражей за закрытой дверью поруба уже час, второй... На смену ему пришел первый охранник, а князь Илья все перечислял и перечислял все те злые дела, которые успел натворить за свои неполных двадцать лет...

Выслушав пленника до конца, игумен выждал еще немного, затем поднял над его головой епитрахиль, но тут же опустил ее и уточнил, а всех ли людей на земле простил князь Илья.

- Да! - кивнул ему тот.

- Даже... князя Бориса Давыдовича? - с небольшим сомнением в голосе уточнил игумен.

- Да, да! - искренне прощая предавшего его самого и едва не оскорбившего его невесту человека ради того, чтобы Господь отпустил и ему все то зло, которое он только что перечислил, - убежденно повторил пленник. - Он ведь и сам не ведает, что творит!

- Тогда преклони свою голову перед Богом.

Стоявший на коленях князь Илья, покорно выполнив повеление игумена, замер в томительном ожидании...

На этот раз несколько секунд показались ему уже вечностью.

Наконец, на голову долгожданно легла епитрахиль, и послышались знакомые с детства, но на

этот раз вызвавшие у него невольные рыдания, слова:

- Прощаются и отпускаются...

После исповеди игумен причастил князя Илью и каким-то незнакомым, прерывающимся голосом сказал:

- Много мне довелось исповедывать за свою жизнь людей. Но лишь сегодня я первый раз вдруг почувствовал, что даже ад содрогнулся от услышанного и возопил от того, что не смог удержать уже, казалось бы, ставшую его собственностью жертву, а весь рай наоборот возликовал от того, что Господь простил такого кающегося грешника, как ты!

Князь Илья взглянул на игумена и увидел, что глаза того так переполнены слезами, что они давно уже катятся по щекам, запутываясь в густой бороде и сияя там яркими, в свете свечи бриллиантами...

И только тут понял, почему прерывался у него голос...

Бережно придерживая висевшую на груди Дарохранительницу, игумен вышел из поруба. Его тут же сменил первый охранник.

Смущенно покашливая, он сел на лавку, в готовности выслушать самые грозные и обидные слова.

Но князь Илья даже не обратил на него внимания. Не только князь Борис, но и этот, также являвшийся лишь орудием невидимых темных сил, человек был прощен им.

Умиротворенный и счастливый, он закрыл глаза, и первый раз за последнее время уснул легко и спокойно...

Глава девятая

1

В наступившей тьме что-то хрустнуло, прохрипело...

Князь Илья спал так сладко и безмятежно, как спят, наверное, только дети. И еще, как говорят, люди с чистой совестью.

Сквозь сон он слышал, как несколько раз хлопала, открываясь и закрываясь, дверь. То ли кто из людей воеводы приходил проверять, все ли в порядке, то ли сменялись охранники...

Ему вновь приснился луг, который в прошлый раз оказался болотом. Только теперь за ним не было никакой погони. И земля под ногой была твердой, надежной. Тропинка вела к пруду, в котором плавала одолень-трава. Не было здесь лишь Гориславы. Он принялся звать ее, бегать по берегу, как вдруг какая-то неподъемная, злобно сопящая тяжесть навалилась на него, и, каким крепким ни был сон, он сразу понял, что это - не во сне...

Спасла князя лишь выработанная за годы скитаний, ночевки у костров, когда в любую минуту может подкрасться враг, сидения в таких вот порубах, где не раз пытались предательским ударом оборвать ему жизнь, привычка молниеносно приходиться в себя в миг опасности.

Как ни крепко он спал, тело само напряглось, а руки вытянулись, отталкивая напавшего на него врага. Но тот был гораздо сильнее и к тому же вооружен. Князь почувствовал, как что-то острое укололо его шею и стало входить под кожу. Все свои силы он направил именно туда.

«Эх... дотянуться бы до цепей!» - мелькнула вдруг мысль, но это его единственное оружие было сейчас недостижимо для него...

Гордость никогда не позволяла князю звать на помощь, даже если против него в бою было сразу несколько человек. Зная это, около него всегда находилось несколько верных воинов. И, тем не менее, несколько раз эта привычка, характерная для многих Рюриковичей, чудом не погубила князя. Вот и сейчас, помня о внешней страже, он молча отбивался от врага, даже чувствуя, что уже уходят последние силы.

К тому же, он получил от Господа прощение всех своих грехов и прегрешений. Причастился святыми Христовых Таин. И спокойно мог сейчас уйти из жизни. Но жажда узнать приговор

Божьего суда вдруг оказалась выше честолюбия, и он прокричал:

- Помогите! На помощь...

Никак не ожидая этого от своей сонной жертвы, напавший принялся зажимать ему рот ладонью.

Но было уже поздно.

Князь Мстислав действительно поставил во внешней охране самых лучших дружинников.

Двое из них сразу вбежали в поруб, один начал оттаскивать князя, а второй обхватил сзади напавшего на пленника человека, ловким приемом взметнул и ударил о пол.

И без того слабый огонек свечи испуганно рванулся и погас от резких, быстрых движений.

В наступившей тьме что-то хрустнуло, прохрипело....

Воин попробовал зажечь свечу. Но другой, не выпуская спасенного князя из своих крепких рук, приказал:

- Ничего не трогать! Быстро за князем. Он приказал звать его в любое время ночи, если что здесь случилось!

- А зачем теперь звать? Ничего уже не случилось! - оставляя в покое свечу, густым басом недовольно пробормотал дружинник, но все-таки вышел из поруба.

Дверь вскоре снова распахнулась, и в темноте раздался встревоженный голос князя Мстислава Храброго:

- Ну, что тут у вас? Свечу бы зажгли, что ли...

- Сейчас, княже! - послышался густой бас и после быстрых уверенных звуков кресала, в порубе стало светло от ярко загоревшейся свечи.

Первое, что увидел пленник - это взволнованное лицо князя Мстислава. Из-за его плеча выглядывали: его сын, воевода, второй охранник...

- Живой! - увидев пленника, с облегчением выдохнул князь Мстислав и кивнул в сторону нападавшего:

- А... это - кто?

Дружинник богатырского роста ногой перевернул лежавшего лицом вниз человека, и все увидели, что это был - первый охранник.

Он злобными, немигающими глазами смотрел прямо перед собой.

- Как ты посмел?! - бросился к нему воевода, приподнял его, но голова охранника как-то неестественно и безвольно упала набок.

- Поздно... - виновато пробормотал богатырь и высвободил из пальцев убитого им воина маленький засапожный нож. - Вот чем пытался убить он князя. Хороший нож, такой не погнется даже о кольчугу, не то, что о голую грудь... И еще заговоренный, видать - вон, на нем даже сердечко есть...

- Сердечко? - бросился к нему второй охранник и растерянно посмотрел на князя Мстислава. - Так ведь это же - мой нож! Все его знают!..

- Вот именно, что все! - усмехнулся Мстислав. - На то он и рассчитывал, чтобы потом свалить на тебя вину!

- Но зачем ему понадобилось убивать князя? - с недоумением спросил воевода.

- А вот это мы сейчас и узнаем! - кивнул ему князь Мстислав и приказал: - Обыскать его!

Второй охранник, хмурясь, похлопал по бокам, по груди мертвого сменщика и вынул большой, тяжелый кожаный кошель.

- Вот! - протянул он его Мстиславу.

Князь брезгливо взял кошель и усмехнулся:

- Знакомая вещь... Такими кошельками царьградской работы у нас расплачивается один только князь Борис. Ну, и во сколько же он оценил твою жизнь, князь Илья?

Мстислав высыпал содержимое кошелька на столик, и тут все с изумлением увидели, что кроме серебряных гривен и золотых византийских монет, тут - перстни, серьги и ожерелье, которые все видели на княжне Гориславе...

- Князь, - дернулся, звеня оковами, пленник. - Горислава тут ни при чем.

- Знаю, догадывался... - мрачно кивнул ему Мстислав и покачал головой, глядя на сына: - Она все твоей княгиньешке рассказала. Но они почему-то это в секрете решили держать. А напрасно. Иначе бы я сразу принял надлежащие меры, и не случилось всего этого. А так...

Князь минуту подумал и принял решение:

- Этого, - показал он пальцем на мертвого охранника, - как убитого во время совершения смертного греха, а стало быть, не покаявшегося, сегодня же закопать, как собаку. За пределами кладбища. Серьги и колечки вернуть княжне. А деньги - отдать вдове и сиротам убитого. Не князю же Борису возвращать их в самом-то деле! А им они теперь, ой, как сгодятся!

Дружинники выволокли тело убитого. Следом за ними, переговариваясь, вышли воевода и княжеский сын.

В порубе остались трое: сам Мстислав, второй охранник и князь Илья.

Охранник, стоя у лавки, то и дело поглядывал на потерянный и вновь обретенный нож.

- А это у тебя что? - вдруг заметил Мстислав валявшуюся на волчьем тулупе фигурку медведя.

- Да так! - махнул на нее рукой пленник.

- И все же...

Князь поднял фигурку, оглядел ее со всех сторон и покачал головой:

- Да... не так опасен охотнику медведь, вставший перед ним на задние лапы, как идущий на него на всех четырех - словно кабан...

Не dokonчив, он посмотрел на стоявшего перед ним князя Илью и пожелал:

- Ну а ты отдыхай. И я от всего сердца тебе говорю - дай Бог, чтобы это была не последняя ночь в твоей жизни!

2

Вместо ответа князь Мстислав отрицательно покачал головой...

Князь Илья вышел из поруба, весь в белом, в накинутом на плечи темном тулупе, с горящей свечой в здоровой руке. Подняв лицо, он посмотрел на яркое зимнее солнце и огляделся...

В центре двора на троне сидел строгий, недоступный, не то что вчера - дорогой персидский ковер под ногами - князь Мстислав. Справа от него стоял белый конь под седлом, украшенный яркой попоной. Слева - плаха, с воткнутым в нее топором.

«Ну вот и все...» - понял князь.

Перекрестившись на маковки церкви с золочеными крестами, он отдал свечу подбежавшей женщине, которая прислуживала ему в порубе, и прошел на середину двора.

Здесь он низко поклонился князю Мстиславу, затем на все четыре стороны - честному народу.

Не заметив нигде Гориславы, подумал, что правильно она сделала, что не пришла, и, одним движением сбросив с плеч полушубок, протянул обвязанную руку тиуну.

Заполнивший двор терема народ разом подался вперед.

Иностранные гости, что-то лопоча между собою, с жадным любопытством ждали, что произойдет дальше.

Тем временем тиун, тщательно проверив целостность печати, громко объявил:

- Не тронута!

И, сам сорвав печать, принялся медленно разбинтовывать руку.

Воцарилась такая тишина, что стало слышно, как падает с заснеженной ели на твердый наст промерзший, сухой снег...

А тиун все не торопился...

- Да что оно там медлит? - возмутился Мстислав Мстиславович.

Наконец, тиун, высвободив ладонь, всмотрелся в нее, поднес ближе к глазам и, вместо того, чтобы во всеуслышанье сообщить приговор, вдруг пораженно прошептал:

- Чисто...

- Чисто... - эхом отозвалась ближе всех находившаяся к князю женщина с продолжавшей гореть свечой.

- Чисто! - радостно крикнул вчерашний раб, а теперь гончар, Чудин.

И, из уст в уста, по толпе понеслось:

- Чисто!

- Чисто?!

- Чисто!!!

- Как это чисто?! - перекрывая всех, раздался возмущенный голос Бориса Давыдовича.

Расталкивая всех, он грозным, тяжелым шагом направился к князю Илье, но тут перед ним встали два дружинника. Это были те самые воины, что спасли князя Илью в порубе ночью. Выставив перед собой копья, они нацелили их острия прямо на князя Бориса.

- А ну, осади! Прочь с моего пути! - проревел Борис Давыдович, хватаясь обеими руками за копья и сию минуту отвести их от своей груди. Лицо его побагровело от натуги. Но богатыри стояли еще тверже.

- Чисто!

- Чисто!

- Чисто! - радостно гомонили в народе.

Князь Мстислав встал с трона, не торопясь, подошел к тиуну, тоже со всех сторон осмотрел руку и негромко, но так, чтобы слышали все, сказал:

- Божий суд свершился. Князь Рюрик-Илья - неповинен!

Услышав это, люди принялись истово креститься. Многие начали вставать на колени и кричать князю Илье, что просят у него прощения за то, что думали о нем плохо...

Сам же князь растерянно смотрел на свою ладонь, действительно, чистую, без единой язвинки и следов ожога.

К нему подбежал Мстислав Мстиславович и затряс в своей руке эту ладонь, поздравляя его. Молодая княгиня бросилась в терем сообщать неслыханную радость Гориславе...

Только иностранцы были разочарованы тем, что, побывав на Руси, так и не увидели настоящей русской казни.

Да Борис Давыдович подошел к Мстиславу и недовольно сказал:

- Отдай мне его, князь... Это мой пленник!

- Не могу! - в ответ на это развел руками князь Мстислав и показал глазами на храм: - Сам Господь простил его!

- Князь! с нескрываемой угрозой не отступал князь Борис. - Отдай мне моего обидчика!

Вместо ответа Мстислав Храбрый отрицательно покачал головой и с усмешкой сказал:

- Не трать времени на уговоры, князь. Если я не ошибаюсь, ты торопишься во Владимир?

А что мне еще остается делать? - огрызнулся Борис Давыдович. - Ты сам вынуждаешь меня ехать с жалобой теперь уже на тебя к великому князю! А я ведь приехал сюда, чтобы искать дружбы с тобой!

- Для чего? - испытующе посмотрел на него Мстислав.

Привыкший к прямоте только в бою, а во всем остальном умевший лишь хитрить да обманывать, выгадывая свое, Борис Давыдович только заморгал. И князь Мстислав сам стал отвечать за него:

- Для того, чтобы заручившись поддержкой двух таких сильных дружин, как моя и моего сына, снова притеснять слабых, совершать набеги на беззащитные веси и даже сильные города, продолжая раздирать Русь?

- Но ведь так поступают все! - возразил Борис Давыдович. - Андрей Суздальский однажды так разорил даже великий Киев!

Он широко раскрыл рот, чтобы привести в пример и других князей, которые немало зла причинили русской земле.

Но князь Мстислав сурово остановил его.

- Ты князя Андрея не тронь! - предупредил он. - Тебе хорошо ведомо, что я сам не особо

жаловал его. И поносил, бывало, всяческими словами. Но ты не смей! Забыл, как пресмыкался перед ним, покуда он был жив и в силе? А теперь что, смелым, гляжу, стал, когда он сделался прахом?

- Однако перед тем как ему самому стать прахом, он много кого и чего превратил в этот прах! - злобно огрызнулся Борис Давыдович.

Не то говоришь, князь! Не так! - поморщился Мстислав Храбрый. - Да, князь Андрей сделал много зла, но и добра сотворил немало! Сколько храмов построил! Обратил в христианство целый суздальский край! Ввел на Руси столь любимый теперь праздник Покрова Пресвятой Богородицы! Неужели ты думаешь, что Пречистая доверила бы это дело тому Андрею, о котором ты говоришь? Нет, князь Борис! Все то наносное, все нашептывания видимых и невидимых врагов, все худое, что он сделал в своей жизни, князь Андрей омыл собственной кровью, отстрадал насильственной смертью и с самым главным, что успел нажать в своей душе, налегке отправился к Богу! Народ, соборный разум которого обмануть невозможно, раньше нас, имевших к князю личные счеты, почувствовал это! Он еще при жизни называл его Боголюбивым, или Боголюбским, а после смерти горько оплакал его - вот о чем надобно помнить и говорить!

Борис Давыдович, нехотя выслушав эти слова, стал было вновь доказывать свое. Но князь Мстислав словно читал его потаенные мысли, и он не успевал уворачиваться от них.

Кончилось все тем, что Борис Давыдович только раздосадовано махнул рукой и велел своим дружинникам уезжать вместе с ним со двора, при этом что-то шепнув им, показывая глазами на князя Илью.

- С князем Михаилом ему меня не рассорить. - с усмешкой глядя ему вслед, уверенно сказал Мстислав своему сыну. - Скорее он сам рассорится с ним из-за этого! А вот что касается тебя, князь Илья...

3

Мстислав подошел к князю Илье и вывел из-за его спины Гориславу...

Князь Мстислав подозвал князя Илью, которого обнимали воевода, дружинники и даже простые люди, и спросил:

- Ну, а ты... Как собираешься жить дальше?

Князь Илья посмотрел на него, оглянулся на белого коня под седлом и неопределенно пожал плечами.

- Там, за воротами наверняка устроил на тебя засаду князь Борис! - напомнил ему Мстислав.

- Убегу! - уверенно ответил князь Илья.

- И что, опять возьмешься за старое? Ведь там, за воротами не только люди Бориса Давыдовича, но и твои бывшие друзья...

Князь Илья промолчал. На честный вопрос полагалось дать честный ответ. Тем более в такой чистый, спасительный для него миг. Но он не знал, что сказать, потому что не ведал своей будущей жизни, а не ведал ее, так как не знал, чем станет жить, если рядом с ним не будет Гориславы...

Князь Мстислав по-своему расценил эту заминку.

- Вот уж, как говорится, сколько волка ни корми, а тот все в лес смотрит! - огорченно развел он руками.

- Да нет, я... - решительно начал князь Илья.

Но тут из терема выбежала Горислава. Птицей спорхнув с крыльца, она подбежала к князю Илье и, задыхаясь, спросила:

- Это... правда?

И, не стесняясь народа, принялась целовать ладонь, которую вместо ответа показал ей князь. Потом подняла счастливые глаза на любимого. Тот обнял ее, беспомощно пожал плечами и

немного смущенно признался:

- Вот, собственно, то, о чем я и хотел сказать тебе, князь...

- Надо же! – только и смог подивиться Мстислав Храбрый. – То, что не сумели сделать мы – сильные мужчины, могущественные князья, удалось –этой хрупкой княжне!

- Любовь! – объяснила, вставая рядом с Мстиславом Мстиславовичем, молодая княгиня. – Против ее силы ничто не устоит!

- Любовь – любовью, а что мне-то теперь делать? – неожиданно подойдя к князю Мстиславу, спросил кузнец.

- Что... Опять суд? – поморщился тот.

- Да нет! Я про железо...

- Какое еще железо?!

- Ну то, которое я отдавал на Божий суд... Ведь оно теперь, вроде, как свято!

- Ах, железо...

Мстислав Храбрый неожиданно с хитринкой посмотрел на князя Илью, на Гориславу и что-то прошептал кузнецу.

Тот понимающе кивнул и, несмотря на огромный рост и большой вес, почти бегом, заторопился к своей кузнице, откуда вскоре послышались звонкие удары молота о наковальню.

Князь Илья стоял рядом с Гориславой, которая заботливо набросив на него брошенный на снег тулуп, тесно прижималась к его плечу.

- Ты хоть подумала, на что жить мы будем? – посмотрел на нее князь Илья, и тут увидел купца, который красноречиво очерчивал руками круг, словно показывая этим большой кошель и говоря: мол, и на это хватит!

- А как же твой батюшка? – с сомнением в голосе уточнил князь Илья.

- А это уже оставь решать мне! – вместо Гориславы ответил ему Мстислав Храбрый и показал на въезжавшую в ворота дружину.

Впереди нее ехал немолодой князь с благородным лицом.

- Батюшка!.. – ахнула Горислава и испуганно юркнула за спину князя Ильи.

- Вот тебе и вся любовь! – засмеялся Мстислав Мстиславович, но молодая княгиня строго посмотрела на него:

- Не пустоши! Посмотрим, что дальше будет!

А дальше было вот что.

Звон молота в кузнице становился все тоньше и тоньше...

Князь Владимир, крепко обнявшись с князем Мстиславом, сказал, что у них нет времени даже для разговора. Дорог каждый миг. И выступать надо немедленно.

- Наши дружины уже готовы, – кивая на сына, отозвался Мстислав Храбрый и, скрывая улыбку, сказал: – Осталось решить одно только маленькое, но очень большое дело!

- Какое еще дело? – нахмурился князь Владимир.

Мстислав подошел к князю Илье и вывел из-за его спины Гориславу.

Князь Владимир одновременно с радостью и гневом взглянул на нее. А Мстислав взял руку Гориславы, вложил ее в чудом спасенную ладонь князя Ильи и вопросительно посмотрел на князя Владимира:

- Что ты на это скажешь?

- Да я... да она... он... – с возмущением начал было князь, но Мстислав, опережая его возражения, предупредил:

- Ты же сам сказал, что нужно торопиться! По дороге все узнаешь. А пока поверь на слово своему старому другу и союзнику – что они ни в чем не повинны!

- Да я что... – проворчал князь Владимир. – Мне лишь бы она была счастлива! Но разве с таким будешь? – кивнул он на князя Илью.

- Теперь будет! – ответил ему Мстислав, подозвал игумена и что-то сказал ему... Тот, покосившись на отца Гориславы, спросил:

- А родительское благословение?

- Будет! - успокоил его князь Мстислав.

- А... кольца?

- И кольца тоже принесем, иди, готовь им венцы!

Игумен отправился в церковь, а князь Мстислав поглядел на князя Илью и одному лишь ему сказал:

- После венчания поедете вместе с нами. На такое войско, как три наши дружины, как ни зол, не осмелится напасть князь Борис, И твои бывшие дружки тоже не рискнут подъехать, чтобы поговорить с тобою. Ну, а как только доедем до безопасного места, на время вам придется уехать. Может, в Царьград, может, к Галицию. Там переждете, пока все здесь уляжется и забудется. А потом... Да что загадывать - а там - как Бог подаст!

Звон в кузнице стал совсем тонким и, наконец, совсем прекратился. Во двор терема еще более быстрым шагом вернулся кузнец. Он подбежал к князю Мстиславу и протянул два обручальных кольца.

- Вот, княже, готовы! Только они еще горячие!

- Ну, князю Илье к этому не привыкать! - усмехнулся Мстислав. - А Горислава - пусть привыкает!

Князь Илья посмотрел на счастливую Гориславу, на глядевшего на него сурово, но уже без гнева, князя Владимира, на князя Мстислава, на кольца в его руке...

И тут все вдруг впервые увидели, какая красивая у него улыбка.

Последний раз он так улыбался за минуту до того, как пришла весть, после которой долгие годы ему казалось, что счастливая жизнь закончилась для него навсегда.

А оказывается - все еще только начиналось!

Примечания

[1] *Зачем мнутя народы, и племена замышляют тщетное?* (псалом Давида 2, 1)

[2] От этого брака у князя Мстислава Мстиславича родится дочь, которая выйдет замуж за князя Ярослава Федоровича, отца Александра Невского.

[3] *Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе* (Мф.18,18).